

Расшифровка интервью

Дата: 16.10.2023

00:00:01

В четыре... Он был... Воевал... Вот, в первую войну с немцами, тогда была, как она? Тоже Первая отечественная война, он был в плену у немцев четыре года. Пришел домой, уже очень слабый, но как-то, в какое-то время пришел в норму, и они с братом, с Артемием, решили построить мельницу. Они недалеко жили, у них одна матушка была. Можно сказать, очень дружно жили две семьи, родные два брата. У Артемия было поболее, и вот тут у них уже после всех родился мальчик Вася, в 1923-м году уже. А у Артемия была большая семья, первые два сына были Егор и Иван. Егор погиб во время Отечественной войны, а Иван, его как взяли, он был старший, взяли его в Первую царскую армию, и потом он служил в Советской армии, и во время войны погиб. Он служил в Ленинграде, на флоте. И больше никаких известий о нем нет. Но дальше были дочь Параскева, Василиса — Васса, потом была Татьяна, потом был Алеша... Нет, Митя, потом Мария была, последняя, вот сколько детей было после этих двух старших. Так вот, тех не было, вот в ссылку.... Ну, они построили эту мельницу, и неплохо жили.

00:01:44

А что за местность?

Это село Красноярка Тарского района. Когда начались колхозы, они неплохо жили, а дед Артемий — он был очень так, как сказать вам, работающий — семья, надо же было кормить. Он прутья какие-то ломал, плел коробы, потом на Тару ехал на базар, продавал там, покупал — кому ситцу, кому чего. Раньше ж ситчику купить надо было на платьюшко, девчонок столько было надо одеть. В общем, трудились они очень, но семья были дружные — что та, что Артемия была. Жена Марфа Устиновна, и столько детей у них было. И вот когда началась коллективизация, у них это все отняли и благословили на высылку. На высылку поехали.

00:02:43

А почему у них отняли? То есть, как это обосновали?

Потому что они кулаки, у них же мельница. Вот все и отняли — сильно хорошо жили. Поэтому у них вот все отняли и в ссылку поехали. Вот, дядя Кузьма с теткой Анной, Павел, который старший сын их был, и Васятка маленький. И еще была бабушка Евдокия, мать этих, она вообще уже старенькая была. Она уже там работать совсем не могла. И ей тогда дали удочку, она сидела с удочкой, рыбачила, ну хоть что-то чтобы, ну есть-то хочется. А там же очень много паутов [оводов] всяких, мошкеры много, комаров, потому что болото висело.

00:03:34

А как их, как пересылка их выделила?

Я сейчас расскажу. И она, ее так обожгла мошкара, что она сгорела и умерла. Ее съела мошкара. Не вынесло сердечко такого ожога. Это вот про Спириных. Павла этого убили на войне, и потом Василия тоже, попозже, он уже, Павел-то, был постарше, его взяли из... Павел там женился, в Чижапке, взял себе Зинаиду в жены, и вот у Павла тоже родилось двое детей, Надежда и Алексей, с которым мы ездили. И Алексей... Павла когда убили, она так в семье свекров и осталась. Она так и жила с ними всегда. Вот, вырастили они внуков, и Зинаида у них как дочка была. А потом пришло время, Василия взяли тоже на войну, и тоже убили. Я не знаю, где и как... Леша знал, потому что, когда мы ездили в Каргоосокскую комендатуру, он в военкомат ходил, и он нашел эти документы, он знал, а я уже забыла. То есть, вот эта семья Спириных одних, и Артемия.

00:04:51

А вот вторая семья, она кем вам приходится?

Это вот дядя был, Кузьма. А это мой родной дед, Артемий. Баба Марфа была.

00:05:01

А какого года рождения дед?

Артемий 1878-го года рождения, Марфа — 1880-го года. Их в 1931-м году... В 1930-м году их уже раскулачили, а выслали в 1931-м году.

00:05:26

А что за семья была, как они жили?

Я же вам говорила, очень хорошо и дружно жили. Семья Артемия — он был работающий, у них было... Ну, такую семью надо было кормить, вставали рано, потом он все эти коробки плел, продавал... Но они, чтобы семья не бедствовала, вот так он много работал, и жили они довольно-таки хорошо, вот за это их и выслали. Значит, деда Артемия, бабушку Марфу, Таня — 17 лет уже ей было где-то, 16-17, на выданье такая девчонка была, она была больная, и Мите было лет 15, наверное, так вот, такой подросток, и Марийка была, ей было 10 лет, когда ее выслали. Вот их вот, всех, старых и малых, тоже на баржу.

00:06:14

А можете рассказать...

Это мамина родня, родители.

00:06:17

А можете рассказать, вот в этот случай, который вы мне рассказывали, про... На совете, где дедушка...

А, это вот: маму выдали замуж за Соснина.

00:06:28

Когда, почему дедушку, вот про это.

Вот я хочу... Она пришла в семью, в Соснину, все, со Спиловыми я вам рассказала, закончили. Значит, маму выдали замуж в 17-ти годов, по-моему, что-ли, было, и в семью Сосниных. Она пришла, третья сноха. Первая сноха была Анастасия.

00:06:54

А как вашу маму полностью зовут, и когда она родилась?

Она по церковному записана Вассой, а в документах она везде Василиса и Васена, в общем, всяко разное писали по жизни.

00:07:06

А полностью имя, фамилия?

Васса. Вот, теперь она стала Соснина, была Спилова, стала Соснина Васса Артемьевна.

00:07:15

А год рождения?

А, 1907-й год рождения. Вот, а отец 1908-го года был рождения. Значит, Федор, Анастасия — у них детей не было, это первый, значит, Сосниных сын, старший. И когда на раскулачивание, я вам рассказывала, что они выехали в Тару, она поступила работать домработницей, Анастасия, а он на пароход грузчиком, ну, уголь кидать. Паровые раньше были...

00:07:48

А как она, ваша мама, попала в семью, вот расскажите про это.

Вот я сейчас вам все рассказываю. Вторая была — был сын Павел, жена у него была Мария, и у них был мальчик Владимир. Мама пришла третья сноха, Васена, и у нее тоже появились дети, первая Анечка была, которая вот в ту же ссылку попала, и мальчик Иван, Ванечка. Ане было где-то года 3, на 4-ом году уже, когда они... А Ване было года 2, наверное. Вот так, на 3-ем году. Ваня там сразу и умер. Потом пришла, после мамы, четвертая сноха, тетя Пана — сын Владимир, и тетя Пана пришла. У тети Паны был первый мальчик Петя, и она была на сносях с Валентиной. Вот этих вот всех, и в ссылку и отправили. Значит, Федор ушел плавать, а Павлу строили баню. Семья большая, дети, надо стирать и мыться. Долго, значит, это все — решили построить новую, побольше, баню. И когда устали, тут вот это, всё, поняли, что они теперь враги, и уже стали их презирать, враги народа. И они эту баню подняли, окно побольше сделали, двери, печку сложили, как надо, и отселили его. Он уже под высылку не подходит, он уже не кулак.

00:09:19

А они знали, что он не будет под высылку?

Ну да, а если у него ничего нет, на нем ничего не числится. Все это числится на отце, на Павле. Павел.

00:09:31

А расскажите про случай в селе, когда отец сказал, ну, дедушка сказал, что «мы сами колхоз».

Да, вот, было. Когда колхозы стали собирать, ну, собирать в колхоз, коллективизация, было общее собрание деревенское. И вот, всех кто понимает, кто в колхоз входит, не входит. Вот, дошло до Соснина: «Павел Степанович, как вы?» А он говорит: «Мне зачем ваш колхоз? У меня свой колхоз. Вот, сейчас Ленька подрастет, пятый сын, я его женю — пять с ног. Все живем в одном доме, у меня своя бригада, мне зачем ваш колхоз? Свой колхоз». В общем, он отказался: «Я не буду». И ему сказали: «Значит, вы лишаетесь голоса». Он говорит: «Ну и ладно, значит, на собрания ходить не буду». Пришел домой: «Нас голосу лишили, значит, мы будем жить единолично. Зачем мне их колхоз, у нас свой колхоз». А он еще даже не знал, что у него сейчас все отняли сразу, раз голоса лишили. И землю отняли, и потом скот отняли, и лошадей, парни были у них, лошади были хорошие, и вот в общем и мельницу эту отняли. Все у них отняли. Вот и остались вот так вот. Володя, значит, подходил под высылку, еще младше моего отца, и Алеша, вот эти младшие два сына, и вот эти женщины. Но Володя был, хоть помоложе, но был похитрее, он куда-то смылся. И вот на пароход, на катер-то, попала тетя Пана одна с ребятишками. Ну, с Петей и вот... На пароход грузили кого? Маму с двумя ребятишками, тетю Пану с Петей и беременную, значит, свекровушку вот эту, Марину Тимофеевну, и Алешу вот этого, который подросток был, 15-16 лет, такого возраста был уже. Вот, их на пароход. А потом, вот этот дядя Володя...

00:11:50

А муж мамин?

А маму, значит... Где-то, куда-то ходили отец мой, и дед Павел. Они где-то по какой-то дороге шли домой. Встретилась милиция, или полиция, кто тогда?.. Нет, тогда милиция была, значит. Проверить документы. Паспортов тогда еще ни у кого не было, были какие-то справки на руках. Вот эти справки им не понравились, и они их забрали в тюрьму, посадили в Тарскую тюрьму. Их в это время не было, когда высылали, они сидели в тюрьме. В тюрьме, значит, или уже с... Они посидели, сидели, никто не судит, никто ничего не говорит: долго им сидеть и сколько? Может быть, надо было и пересидеть как-то... Не знаю, как надо было. Как было, так случилось. Как случилось, так случилось. Они объявили голодовку. Ну, значит, следователи, кто там, говорит: «Отец-то уже старый, век пожил, вас вырастил уже всех, а у тебя еще двое детей, ты что же объявил голодовку?» — на Костю, на моего отца. Он говорит: «А все равно, что мы тут сидим — непонятно, мы не знаем про наших семей, и они не знают, где мы, мы не знаем — что с ними». И их там, видимо, приняли решение, их разъединили. Отца, вот, деда моего уже собрали, отправили в Туруханский край куда-то, еще севернее, не знаю куда, а моего отца — в Прокопьевск на шахты. А вот, то есть, на корабль, на баржу поселили вот этих женщин с детьми и Алешу. Ну, вот, приплыли.

00:13:31

А сколько плыли?

Ну, долго плыли, долго плыли. Это мы, когда выезжали, пароход «Тара» был, от Каргаска, это мы, ну, почти месяц, плыли, да. Ой... Из Оби, чтобы переехать сюда, там уже... Город-то какой? Я забыла, на карте-то у меня есть, я забыла... А потом мы там пересели, уже переехали вот сюда, в Тару, Тарский район.

00:13:59

А тяжелая была пересылка?

Ой, что вы говорите. Они же в барже все сидели, народу много, там откроют утром, значит, воду вскипятят, с чайниками люди вышли — там получили чайник, ну, кто-то — тут и спали, тут и по нужде ходили, и все они были закрыты, они ехали внутри, в барже. Железная баржа. Если кто умирал — значит, выбрасывали. А если где-то вот, должен быть вот сейчас — кого-то высылать, следующий бугор, значит, тогда на бугор разрешат похоронить. И все. Вот так вот было. Ну вот, выставили, говорит, мама: «Уже к вечеру, начал дождь моросить, мы, — говорит, — поставили какую-то елку, под хвойное дерево, ребятишек посадили». У мамы был потник, это что-то большого, вроде, одеяла, но это как валенок, только тонкий — потник шерстяной. Мамоньку, так свекровушку звали, «мамонькой». «Мамоньку с ребятишками посадили, потником закрыли, а мы, — говорит, — с Паной под это вот дерево, простояли всю ночь, до утра». Потом стали думать, промокли, конечно, утром уже там костер какой-то разжигать. Что

взяли, какую еду — отсюда... А было как? 30 килограмм на человека, хоть лопату бери, хоть топор, хоть одежду, хоть еду. Что можешь взять? 30 килограмм на человека, хоть на большого, хоть на маленького. Вот такой был порядок. Поэтому пока плыли, за этот месяц, они уже все, можно сказать, съели. Одним словом, надо как-то продолжать жить. Где жить? Вот, стали рыть эти... В откос — гора, высокая, рыжая — и стали копать себе норы, вот эти избушки, ну, какой-то тряпкой повешивать вместо дверей... Потому что, чтобы доски — надо, если двери сделать — а из чего их сделать? Надо сначала спилить дерево, его как-то разделать, на чем-то распилить, чтобы ничего не было. Как выживали люди? Ну, очень... Вот, первый мальчик, Ванечка, он был младший, слабенький, он первый умер там, сразу, в первую же зиму. Анечка вот выжила уже попозже, дифтерии...

00:16:34

А это ваши?..

Это мои брат и сестра, старшие. Потом каким-то образом отец встретил там, на шахтах, такого же ссыльного, и тоже узнал, что где-то на Васюган ссылают, Васюганские болота, в Томскую область. И вот, значит, они решили бежать. Ну, маленько там, какие-то паек похранили себе, немножко поберегли этого хлебушка, и в какое-то время они убежали.

00:17:09

А дедушка?

А дедушка в Туруханском крае, про него забыли даже, где он был.

00:17:14

А что с ним случилось?

Ну, он потом, это уже потом... Я сейчас расскажу, как они стали жить, вот здесь вот, стали колхозы. Вот этот Леша был, подросток, ходил на раскорчевку, мама...

00:17:31

Это где? Где?

Ну, вот там, на Васюгане.

00:17:34

Да, где и вы были потом?

Ну да. И там мы жили, только в другую деревню, где-то мы переехали. Потом мама...

00:17:42

А в итоге жили в каком доме? Как дом выглядит?

Вот в то время они, в первую зиму зимовали вот в этих вырытых землянках, а потом строили бараки. Потому что лес корчевали, появились бревна, и строили бараки. И вот, какой-то тряпкой завешивают, вот тут вот — Спировы, вот тут, там Ивановы, тут Петровы, вот так вот. Но жили все в одном бараке. Топили, сушили, потому что зима, снега большие, работают, мокрые... Надо было как-то сушить. Ну, в общем, как-то выживали. Вот выживали. Год-два, затем так, как-то потихонечку жили. Давали им там сколько-то граммов на человека, муки, болтушку... Пилили березу сухую, сушили, опилки добавляли в муку, чтобы как-то... Ну, весна, там эту колбу, траву всякую ели. Выживали очень сложно. Очень много людей погибло, потому что вода была в основном вся болотная. И стали люди... Цинга была, и дифтерия была, и вот эта дизентерия была. Много умерло от голода, от слабости, от всего. А Алеша весной умер. Зимой-то еще он прозимовал, а весной они корчевали, что-то прилег немножко. Мама говорит: «Я ему сказала: "Алешка, ты чего же лег на землю? Земля сырая еще, холодная». А он сильно устал. Он полежал маленько, у него воспаление легких, у него температура, и где-то на завтра-послезавтра умер.

00:19:24

А сколько ему лет было?

Ну, лет 17, уже 18-й год, наверное, было. Лет 17 уже ему было. Вот умер Алеша.

00:19:30

Это ваш?..

Это дядя, как бы, мой. Моего отца родной, младший, самый младший братик был. Ну, в том месте, где они жили, там совсем глухота была, и мама решила, что надо поехать вот к Спириным, где ее отец, чтобы поближе. И вот они перебрались в Чижапку.

00:19:55

А кто-то следил за ними?

Ах, а комендатура-то была. Там каждый месяц ходили, отмечались. И отмечались, причем, где-то вот до 1950-го года, хотя уже их, как бы, после войны сняли, вот это «враги народа», а они все равно еще до 1950-го года ходили каждый месяц в комендатуру, отмечали, что «вот она здесь, живая». Как бы, вот...

00:20:20

А отец, тем временем? Сейчас, просто чтобы не забыть, муж, решил бежать?

Вот он... Где-то в это время сбежали... Это я только... Я же маленькая тогда еще была, она, мама, рассказала, но про годы и она не говорила, и, может, и сама толком-то не знала, какой год. Жили — и жили. Он их там нашел. Мама перебралась уже, устроилась в детдом. Там сразу, в Чижапке, Детский дом какой-то образовали, и она для этого детского дома стирала, для детского дома. И, поднимаясь с горы, смотрит — Костя уже нашел. Нашел, где даже она живет, эту прачечную. А он переночевал в этой Чижапке, и пошел еще дальше куда-то идти туда, по Васюгану. И смотрит — идет Избышев, односельчанин по Тарскому району. Он говорит: «Костя, а ты? — А вы здесь как? — А мы вот все здесь живем, — А вы не знаете, где моя семья? — Твоя семья — вот, Васена тут вот, где-то вот здесь, в этом доме стирает для детского дома». Ну и, в общем, мама говорит: «Ой, ты зачем сюда пришел? Ты бы нас бы как-нибудь доставал» — «А я пришел, у меня ни документов, вообще ничего. Я беглец. Куда?.. Я хоть куда пойду, только бы мне если умереть, то только рядом с вами». А Ванечки уже не было. Ну вот так, как-то надо было устраиваться. Говорит мама, получили пай... Тайком он жил там, где-то, а потом получили паек, поставили бражку какую-то, пошли, какие-то лепешки спекли, пошли в комендатуру. «Ну вот, к жене убежал, некуда, он пришел к семье. Ну, сделайте, что он на восстановлении семьи, как бы. Ссылный он». Вся семья была, и он тоже был. Как бы, ему положено быть здесь. В общем, как-то уговорили, и его оставили, что он прибыл «на воссоединение с семьей». И вот они тогда строили школу, мой отец, двухэтажная школа была уже, потом, когда я уже родилась.

00:22:46

А вы родились в каком?

Я уже родилась в 1942-м году. Прошло 9 лет, с того момента, как они разделились и не жили вообще. 9 лет прошло, детей не было. А тут родился передо мной мальчик, Толя назвали. И вот уже здесь, в Чижапке, умерла Аня от дифтерии.

00:23:13

А Аня это?..

Это старшая моя сестра, самая, которая была выслана на барже «Тихла». Ехала, плыла, или как сказать. И был мальчик Толя, и он тоже где-то 3-х, на 4-м тоже умер от скарлатины. То есть, ну, нечем было лечить, и дети все были слабые. Но в это время отец... Уже сделали ему... Им дали место — хорошее место у нас было, на бугре, и огород прямо на бугор и туда, на озеро. То есть, огород хороший был. За счет огорода, мама, наверное, выжила, и меня сохранила. Картошку садили. Потом, когда уже началась война, в 1941-м году, их не взяли в этот год, потому что это далеко, это как бы еще... Тут, поближе, городских всех подбিরали на войну. А потом их уже, всех брали весной 1942-го года, оттуда забирали на войну. А в 1941-м году война началась... А в 1941-м году, 20-го октября, вот уже скоро, послезавтра, мой отец утонул. Он не утонул... Они с Чупиным, фамилия — Чупин, имени я не знаю... По Чижапке, туда, вверх, был смолукуренный какой-то заводик, на Лесмолу. И говорит: «Давай, поедем в деревню, картошки возьмем, потому что сейчас Васюган пока встанет, ледок будет, но по нему не пройдешь». — «А что, — он говорит, — есть?» — «Вот, пока он еще не встал, не застыл, давай поедем, возьмем, и сразу же обратно вернемся». Ну, сюда они приплыли, отсюда к вечеру надо уже улетать, как бы, уплывать. Буря, ветер поднялся, мой отец говорил: «Давай не поедем, оставим до утра. Печи застынут, как будем разжигать опять смолы? — там постоянно они корчевали какие-то пни, или что, не знаю, но что-то постоянно у них там горело, гналась какая-то смола, — А если что, мы что, застынем?» Ну, в общем, все-таки сели они-так в этот обласок [лодку] и поплыли. Обласок у меня где-то здесь даже есть, я вам покажу, что такое обласок. И вот они поплыли, и их... Они немножко уже до Чижапки, ну, вот как, вот — Васюган, а Чижапка вот так впадает. И вот они уже немножко не доплыли, их волной перевернуло. Перевернуло, но как они ни

гребли, ни старались, ничего не могли, там Васюган очень быстрый, такой... Река такая, бурливая, там течение огромное, быстрое. Там по Васюгану — еще туда, дальше, ближе к Оби — там, значит, островок какой-то был. И говорит — это Чупин потом рассказывал — Костя сказал: «Если, — говорит, — давай будем грести как-нибудь, если доплывем до этого островка, то останемся живые. А если нас пронесет, то это уже все, конец. Там Васюган широкий, и течение, там бесполезно уже». И они как ни старались, ни гребли, они не могли добраться до этого островка. Унесло их на Большую Ону. А утром... Там же, видите, везде болота, а детский дом был большой там уже, к тому времени. Там были и взрослые дети, и маленькие дети, маленькие здесь были, а взрослые все лето работали на подсобном хозяйстве. Где-то там нашли бугорки какие-то, у них скот был, то есть, молоко — детям, и свиней там держали, у них там подсобное хозяйство было. Работали там рабочие и, вот, старшеклассники. И они уже, последние, все закрыли там, кто остался со скотиной — тот остался, а эти, кто еще, возвращались в деревню, и шли на большой лодке. И смотрят: что-то такое, не то коряга, не то что. Подплыли поближе, это когда... А уже к утру ледок встал, вот так, говорят, «ледок встал», но он еще легкий, лодка ломает, идет. Смотрят — телогрейки. Телогрейки. Батюшки, так там люди! Они как за обласок держались, гребли там, то есть они пристыли к обласку, тот и другой. Их на лодку взяли, приплыли в деревню, привезли сюда. Их и жгли, мама говорит, и резали, и били, что там не делали, Чупин отходил — у него сердце, видимо, покрепче было, а у моего отца был как разрыв сердца, врач так сказал: «Разрыв сердца». Он похоронен. А Чупина, это было 20-го октября, зима прошла, весной стали брать на войну, его взяли, и все равно в осень опять тоже убили. Долго не нажил тоже. Так вот, когда Чупин-то опомнился, вот он это все и рассказал, а так мы и не знали, как все это было. Ну, вот... А мама со мной была уже, в положении, 7 месяцев.

00:28:31

А как? А мама рассказывала, как она пережила?..

Вот, сейчас я вам расскажу. Ходила со мной в положении, 7 месяцев. Это было 20-е октября, 1941 год, а я родилась 9-го января 1942 года. Вот уже, через два месяца, можно сказать, через три. И, говорит: «Ну, что, дети все поумирали, муж умер». А, еще, в это время, когда отец умер, тяжело было, у них своя коровка была, и у соседки. Тяжело держать, значит, сена мало, и все: «Давайте одну корову будем держать на двоих». Мама говорит: «Ну, давай, что мне одной надо» — там-то еще дети были, в той семье. Корова была стельная, ее надо было следить. Мама говорит: «Ты посмотри за ней, последняя корова тоже стельная». Как бы, ее очередь была смотреть, той. Забыла, то ли Шура, что ли, ее звали. А она, видимо, проспала, эта корова ночью стала телиться, наша корова, и не могла растелиться, никто ей не помог, и сдохла. Мама говорит: «Ну что, дети умерли все, муж умер, корова сдохла, мне что на этом свете делать? Теперь моя очередь уже». Вот так вот она и переживала, в слезах, в горе. Ну, как бы то ни было, прошло это время, я родилась, все нормально, и к ней пришла одна женщина, говорит: «Васена, у нас семья большая, — говорит, — картошки у нас всегда не хватает, возьми у нас телочку, хорошая телочка, будет коровка у тебя, отдай нам картошки». И вот мама выменяла эту телочку на картошку. Поэтому мы жили все время с коровкой. Но коровка как была? Самое интересное я вам расскажу. С коровы...

00:30:41

А можно мы сейчас быстро батарейку поменяем, и вот вы сейчас дорасскажете?

00:30:46

А, про корову.

С коровы нужно было сдать в год 11 килограмм топленого масла государству. Топленого масла. А коровки-то не были такие, как сейчас. Простые такие коровки. Вот нам повезло, как говорится, Бог да добрые люди, что коровка-то у нас была, она по ведру за раз молочка давала, и хорошей жирности. Вот, значит, мама выполняла этот долг. Нужно было налог платить, 700, это... 800 рублей в год налогу надо было государству отдать. И 3 килограмма шерсти с овечки, если она у вас есть. Овечки, они какие там были? Это тоже, это сейчас берут по сколько килограмм с овечки. А в то время они еще не были такие сортовые, или специальные овечки. Овечек сразу все прирезали в один год, потому что это нереально. Короче говоря, мы что ели? Обрат. После молока, когда сметанку сняли, и когда масло вытопили — отпочки. Вкуснее ничего не было. А это все — настоящее молоко и все это — это было как под запретом. А почему нельзя было не сдавать? Если ты не выполнишь вот этот план, год не сдала, второй, если кто — отнимали ребенка и посылали в Магадан, а ребенка в детдом. И мама так боялась, что меня заберут в детдом, что она что-то не выполнит... Она день, целый день, на работе, вот так — она все время работала на лошадях, я вам тоже расскажу — а ночь, когда луна, она эту картошку тыпает, окучивает, и полет. Иначе, если не вырастет картошка, что ее ждет? Она так

боялась, что меня отнимут, да еще и куда-то дальше отправят. Вот этот страх ее все время подгонял, всю жизнь. Была в деревне женщина. У нее никого не было, ни родни, все поумирали, значит. Может... Она вот осталась, жила и все время работала на леспромхозе. Леспромхоз, туда раз в месяц, может, в два месяца, приезжал киномеханик, ставил кино какое-то там им. Каким-то образом ей удалось забеременеть. Вот ей пришло время рожать, пришла в деревню, сюда. Ни жилья, ни кола, ни двора — ничего нет. Но она как причислена к этой деревне, она из этой деревни была взята туда, на работу. Была колхозная конюховка. Эту конюховку — там окно, двери, какая-то, печка была, там чинили хомуты для лошадей, и вся сбруя там была. Убрали это все, куда-то в скотные дворы, женщины побелили там красной глиной, какой-то топчан ей сделали, кто что, принесли какие-то тряпки, мешок сшили, соломой набили — вот тебе матрас, вот тебе подушка. Ну и так же, кто картошечки, кто молочка, кто-то ей... Подкармливать стали ее. Родила она мальчика Гришеньку. Она потом стала как-то работать, то тут, в колхозе, уже вот здесь. А платить-то ей нечем. Платить абсолютно нечем — у нее ничего нет. Что называется, «ни одеть, ни обувь, ни поесть». И у нее отняли Гришеньку в детский дом. А её... Пришли милиция в форме, и забрали на пароход. Когда её на пароход уже подвели, вся деревня рыдала. Она так кричала, на всю деревню, такой был рев... Отняли ребенка. То есть — нечего дать ей. И так всё, как она ушла, больше о ней никто ничего не слышал. И никто не знает, где этот Гришенька, какая его судьба. Поэтому моя мама очень боялась. Работала, как весна начинается — она с лошадьми. Пахота. Она маленького ростика, худенькая всегда была. Плуг этот надо таскать, а тут начинаются паузы, начинается... И вот эта лошадь бедненькая, она прямо в упряжке падает, катается — забирают, этот хвост, не может она их всех отогнать. Но пахать-то надо! Сеять же надо, если она норму не выполнит... Сегодня не выполнила, завтра выполнила. Всё, опять же. Ты же враг народа, поэтому ты лодырь, или там... Кто там что тебе прикажет, что тебе скажут, ну... Выгонят. И она так боялась. Вот, закончилась посевная, потом посеяли. Там, значит, сенокос начинается, опять она на этой косилке, где-то там перебросят эти косилки, через болото, там под лодкой... Ну, это делали всем колхозом — мужчины там, кто там, и в конторе, кто сидят — все помогают. Потому что женщины, бедные, это не смогут, эти косилки, всё перетащить на какой-то там бугор, где там... Ну вот, закончилась эта... Сенокос. Пришли в деревню, обратно вернулись. А меня одной бабушке отдадут, корову другой бабушке отдадут... Ну, в общем, вот так вот. Вот так она все время работала, на лошадях. Начинается уборочная: опять эта косилка, косят там, как... Убрали. Снопы там женщины собирают, это она косит, другие собирают, снопы потом перевозят. Опять же, возят на гумно — так называлось. Там лошадь ходит, круг такой гоняет. Молотят снопы эти, молотят. Работали днем и ночью. Только успеть, чтобы... Сначала, чтобы успеть, пока погода. Там же взойдет хорошо, вроде лето — хорошо, как осень, бывает, такая, что льет, и льет, и льет — все заливают, серпами эти снопы, сколько могут, снимут, но топнут ноги. И все это погниет. Не выполнить план — как? В то время было это нереально. Это значит, тебе сразу тюрьма будет. Старались все, работали на износ. Ну, вот, закончилось это — потом там еще лён сеяли где-то. Лён надо было сушить, потом его трепали. То есть, опять: днем она на одной работе, с лошадьми, тут они ночью лён трепают... Закончился лён — значит, надо вывозить сено с этих бугорков. И тогда уже застынут кочки, все это. Пройдут мужики с топорами, обрубят деревья какие, чтобы воски-то не падали туда-сюда. Во-первых, дорогу маленько проложат, и чтобы не сворачивали эти ветки, сток этот не стаскивали. И вот она, и тетя Шура Мусатова — две женщины, вот такие маленькие, худенькие. Семь лошадей, семь возов. Семь. Вот лошади, сани. Лошадь и сани. И вот они поехали, еще темно — затемно выезжают. Там вообще рано темнеет, и рано... Поздно... Ну как-то, видимо, это северная сторона, или это тайга, но там же не было никакого освещения вообще. Кроме лучины, да керосиновой лампы. Вот они уедут раненько: мороз — не мороз, валенок нет, в черках. Черки — это такие какие-то, на моих... Вот так — чуни, тут какие-то голяшечки. Тогда что было в магазине? Вата. Тюками привозили. Я даже помню, какие-то были тюки. Можно было вату купить и что-то нашить вот сюда себе, в эти черки. В телогреечках. Утром она сварит всем картошечки, мне оставит, себе возьмет за пазуху, в телогреечку положит, вот это и их обед был. Приехали, на это смотрят — где бугорок, значит, здесь стожок стоит. Вот этот стожок надо раскинуть, снег, лошадь подвести, чтобы переложить на сани. Сани надо хорошо уложить, чтобы он не растрепался по дороге туда-сюда. Привязать его, притянуть хорошо, вот так надо. И вот они семь этих возов, этих стожков, когда расчистят, все наложат... Мокрые, как лягушки. Говорит: «Сядем на возок, достанем эту картошечку, сели, поели и замерзли». Мокрые, потому что. А морозы там ой-ой-ой какие. «И мы, — говорит, — тогда: одна вперед, за лошадью бежит, перед лошадьми, бегом, чтобы согреться, другая — наоборот, от лошадей бежит, туда, подальше, по этой же дорожке, чтобы согреться». Ну, другой раз, говорит: «Уже не можешь, на полозья встанешь, за этот держишься, — там вот этот бастрык такой, который держит-то воз, — приедем уже в деревню, — говорит, — уже темно». Ну, иногда кто-то из — или кузнец, или кто за лошадьми ходит, помогут эти стожки скинуть опять в скирд — там большие вот такие скирды были, это как скотный двор был, вот сюда возили. Когда она придет домой? Поэтому я целый день-то на людях бегаю-бегаю по деревне, раз зайду погреться, с меня этот снег растаял, вышла — опять как кол, туда-сюда. Домой иду — у меня всё вот так вот, всё на мне мокрешенько, всё это застывшее, дверь открыла, зашла, на порожек села и боюсь идти. Вдруг там за печкой кто-то. Все, чего я боялась, я, похоже... Я не знаю, чего боялась, но чего-

то боялась, видимо — темноты. Присяду тут, у порожка, дома холодно, мамы нет, и усну — я ж набегаюсь — и усну. Утром просыпаюсь — мамы нет, печурка теплая, и картошечка стоит, свежая, сваренная. Ну, я поела и опять пошла. Кто меня держит, мне здесь... Здесь никого нет, нечем заняться, и вот так, это мое было детство. Это до самой школы было. Поэтому, особенно вспомнить нечего. И потом, это уже 1950-е годы, после войны, там, видимо, кто-то всё-таки знал, что надо уже не ходить в комендатуру, что какие-то послабления пошли после войны, столько людей убитых, и тут осталось...

00:42:50

А друзья у вас были, вот, когда вы девочкой были?

В деревне?

00:42:56

Да.

Ну, две девчоночки были, которые... У одной дед — кузнец, она жила у деда с бабой, Раечка, и с бабой, там была [нрзб], она по деревне редко когда выйдет, только погулять, и Люся Сажина, она постарше меня на два года. А там были все мальчишки, Петька был, Шурка и Мишка. Мы там во что играли? С горы катались, в пряталки по дворам бегали, играли вот так вот. Ну, постарше были — это Мишка Сеновцов и Борька, они уже немножко постарше, маленько, были. Меня курить научали, а где курить? Чего курить-то? Значит, дом, лесник там, дали мне место — лесник дом строил себе, и там мох, говорит: «Надька, хочешь быть сильной?» — «Хочу». — «Давай курить. Будешь курить?» — «Буду». — «Будешь сильная». Дали мне курить, закурили мне, свернули, я как вдохнула, там так горько-горько, как я закашлялась, бросила и убежала от них. Все, на этом кончилась моя наука про курение. Но я росла, как сказать... За меня заступаться некому. У тех были братья старшие, кто-то, а у меня никого не было, за меня заступиться, и я дралась. Я дралась с мальчишками, я дралась за девчонок, если меня кто-то обидит — я все равно отлуплю. Такая была, смелая, и такая-то. Отдали меня в одну семью, а у них там Шурка был, мальчишка. Даже, по-моему, он старше меня учился, на год, наверное, постарше. Тетя Рая пошла в лес, говорит: «Ты, Надя, не слушай, с Шуркой никуда не ходите, вот тут, дома, а я схожу за костянкой». А мама уже была на сенокосе, потому что я у них была, как бы, у них ночевала, она меня кормила. А мне так домой охота, мне так домой охота, и я пошла домой. Он говорит: «Не ходи» — он хотел меня удержать, а там заборчик такой был, больничная картошка росла, и рос шиповник. И я этот шиповник — хват! А он же колючий, и он такой, только хочет схватить, я его — «Раз!» — по рукам. Он от меня, я его опять — «Раз!» — по рукам! Только он хочет меня догнать, да схватить меня, и я оборачиваюсь, да по рукам. Ну, вот, так он бежал, бежал, и бросил, я его несколько раз обожгла этой. А я вот это: «Ничего, что жгет, пусть и жгет, но только я все равно вот так, настойчива». Пришла домой — ну, а как, замков не было, такая задвижечка, и щепочка там, что всё — закрыто, никого нет. Зашла за дом, в уголок встала и стою. Сколько я там стояла, я уже не знаю, смотрю — тетя Рая идет, пошла вокруг дома, нашла меня: «Надя, ну что ты сюда пришла, пойдем домой, пойдем к нам, пойдем. Мамы нет, она не приедет. А вот когда приедет — она тебя сразу же заберет». Ну и пошла, со слезами, но пошла, хотелось мне домой.

00:46:27

А мама какие-то сказки, песни, пела? Что-то?

Нет, какие сказки, когда сказки? Когда, если лето, — я говорю, если ночь светлая выдастся, что там, — а она картошку окучивала, и все, и когда она... Я только удивляюсь, когда она спала? И когда она что вообще ела? Я только помню, в детстве был чурночек, такой небольшой с картошечкой, что утром она на печурку поставит. Но, когда сильный мороз, она еще затопила русскую печь, — у нас была — иначе картошка может в погребе застынуть. А осенью вот эту картошку выкапывает — себе, значит, в погреб, чтобы на посадку, и на все, остальную — в мешки грузит и в детский дом сдает. Сдала в дом и налог заплатила. Весь — не весь, но сколько может, столько заплатит. Вот так. Денег не видели тоже. Трудодни были, вот. Я сейчас опять отвлеклась. Если осень хорошая, и год хороший такой, урожайный, значит — им в конце года, где-то в январе, дадут по мешку. Пшеницы дадут, может, где-то около мешка, если хороший год. А когда плохой год — когда пол-мешка, чуть-чуть только. Денег никаких, потому что надо было все сдать по ставке, то, что нужно сдать, по плану. А всё осталось — тогда уже вам, как хотите, так и живите. Поэтому хлеба мы тоже не ели. Хлеб мы ели, знаете, когда — на выбора. Вот на выбора нам давали по булочке, пол булки, как сейчас пекут булки, вот такие вот пол булочки белого хлеба, как бы, на голосующего. И, по-моему, по полкило сахара. Сахар был комковой, большими кусочками, не как сейчас — пеленочка вот такая вот — прям кусочками большими. И этот кусочек как-то расколот, и его таскаешь в кармане. Почему-то жадности не было, что — ну, и сладко — так надо. Таскаешь его, таскаешь, достану — он уже

черный в кармане. Полизала маленько, полежал — мать в карман положила, чтобы на дольше хватило. Вот и все, и лакомство, и всё это — всё счастье в этом было. Поэтому...

00:48:48

А когда болели, например, как лечили?

Можно, я поправлю провод? Сейчас, быстро, сейчас.

00:48:56

Я, наверное, испортила.

00:48:57

Не-не, ничего страшного.

00:48:59

Я тут, Господи, забываю. Я корью сильно болела.

00:49:03

Сейчас-сейчас-сейчас, я отойду.

00:49:03

А, сейчас, одну секунду.

Корью болела. Мама сказала: «Вот, ты видишь сейчас всё. А если ты только выйдешь на улицу и откроешь окно — ты ослепнешь, будешь слепая. Вот как все время ночь, и ночь будет. Не вздумай даже подходить к окну и смотреть куда-то». Вот так она меня напугала, я и правда никуда не подходила, как лежала и лежала, а чем меня лечили — я даже не помню, чем лечили. Только сказала, чтобы никуда не выходила, и чтобы на свет не смотрела. И часто болела дизентерией. Потому что вот: пошли орехи кедровые — поели орешек кедровых. Это жирная же пища, если никогда её не ешь, этой жирной пищи, вот тебе, пожалуйста — расстройство. Или где-нибудь воды. Что мы, эту воду пили, кипяченую какую-то или еще там? Да где какая лужа, где вода, по-моему, рукой напился и дальше пошел. Вот это, в основном, было. А так я росла здоровая девчонка. Потому что я все время на улице, закаленная. Мама мне сшила ватные штаны, из ваты, и телогрейку. Платочек одень, а потом где-то там — лоб, всё было на горле, и бегаешь целый день. Но я как-то простудными мало болела там. А тут уже, когда в город переехали, тут вот я уже болела.

00:50:36

А у мамы... Мужчину нельзя было найти, чтобы жить?

После войны из соседней деревни пришел какой-то мужчина, я его даже помню, высокий был дяденька. Может, я маленькая была, так мне казалось, что он высокий. У него во время войны умерла жена, у него осталось две девочки, и они старше меня были. И он говорит: «Васена, сколько ты можешь работать вот так? Будешь заниматься домом и хозяйством, я буду работать. Вот, на твоём попечении девчонки. Я, — говорит, — думаю, что ты уж не обидишь девчонок». Но мама говорит: «Я не знаю, я подумаю». А потом второй раз пришел, он сказал... Она говорит: «Знаешь, не смогу я к тебе прийти. Твои девчонки постарше, может, мою обидят, или я их, кого-то обижу. Как живу, так и живу». И она не пошла за него замуж. Всё. А там особенно мужчин-то и не было, либо они все домашние, либо старые уже. Вот, Иван Матвеевич вот этот, пришел после войны, когда уборочную сделают, или на этот праздник, уже подведут итоги какие-то, может, копеечки кому-то дадут. И они там соберут колхозный вечер, посидеть. Так он говорит... Ну, кто плачет, что мужья погибли у кого-то. У кого пришел, у кого что... Он говорит: «Ой, бабы, ничего вы не знаете. Трудно вам здесь живется, но вы пришли в свой дом, печку истопили, картошки поели — и всё. А вот как там, на войне, это, — говорит, — всё разрушено, ни дома, ни печки, ни крыши, ни детей, никого [нрзб] Вот в деревню зайдешь, одни трубы стоят, ни стен, ни дверей — ничего. Вот как, люди где-то в землянках, вылезут — черные, грязные, спасались вот так. А как страшно, когда бомбежка-то идет, когда на твоих глазах людей убивают. Вот, — говорит, — страшно». И бабы плакали, и он вместе с ними плакал.

00:52:53

А вот сам военный отрезок времени, как он прошел в этой местности?

Ну, как, мужиков собрали, а бабы как работали, остались, так и работали, всю мужскую и женскую работу всю делали. Видите, я еще маленькая была, сильно-то...Ну, может какие-то были особенности, но я их просто не видела. Они до меня не доходили, тем более, если бы мама была все время дома, может быть, что-то бы со мной разговаривала. А так... Вот что она мне рассказала, мы всё время с ней на одной кровати спали, всё вместе, только вот... Всю жизнь прожили с ней вместе.

00:53:40

А вот когда пришел свататься, так можно сказать...

Ну, да.

00:53:47

А почему она не...

А, она сказала: «Я, подумала, — потом-то она мне рассказала, — я подумала-подумала, да нет, лучше моего Кости всё равно уже не будет. Как-то, в то время даже в ум не пришло, что кроме Кости моего кто-то может быть мужем. Это чужой человек, вот Костя был мой, а это — какой-то чужой человек. Нет, лучше Кости все равно уже не будет». Хотя ее замуж выдали не за любимого. Там тетя Оля, у нее подружка была, «мы на вечерки бегали, две оторвы», — говорит, «одна плясала, другая пела, и мы вместе пели». У тети Оли дядя Степа был, гармонист, и если мы — Ольга с Васюнькой — на вечерку идут, значит вечерка будет, значит, там будет этот Степка с гармошкой, и Сашка Гагарин. Они там плясали и пели, на вечерки ходили, за деревню где-то, на лужайку. «А если Васенки с Ольгой нет, значит и ходить нечего». Но родители сказали, когда Соснины посватались за маму, родители сказали: «Семья хорошая, работающая, там у них порядок в семье, пойдешь туда, за него, а нечего за этим Сашкой, этот только петь да плясать, больше ничего не имеет». И отдали, и не спрашивали: любишь ты или не любишь? «Отец, — говорит, — Костя был такой молчаливый. Ему говорят — поехали кататься? А он молчит. Ну, покатались-покатались, привез домой, оставил и ни слова не сказал». Вот так, вот так, но обвенчали, в церковь привезли, какую-то маленькую свадьбу сыграли, и всё. Был там твой дом, теперь — вот тут твой дом. А потом-то как она жалела, всю жизнь вспоминала: «Ой, Надя...» Мы уже жили в квартире, уже там, это — квартира моего, как бы, моего бывшего мужа, потом он оставил сыну, а моя квартира — вот, недалеко отсюда, за две примерно остановки, трехкомнатная. Небольшая, но трехкомнатная, там дети и остались. Он умер, и что бы, Юра сюда пошел, сюда, с семьей? Их трое, а я одна — в трехкомнатной? «Все, — я говорю, — пойду сюда, а вы уже оставайтесь на месте и живите». Вот так вот. [нрзб]

00:56:22

Вот она вспоминала, жалела.

А она уже тогда, когда у нее своя комнатка была, и кровать такая, и одежда у нее, и шаль пуховая, и все у нее уже, одета была, она говорит — сядет, оденется, и говорит: «Вот мне бы сейчас такую-то одежду-то в молодости, да туда бы... И как бы я еще пожила в той семье, как у нас было весело, как было хорошо». Четыре снохи жили в одно время, с одной свекровкой, и она жалела, что «вот еще бы пожить в той семье», вот такая была согласная. Потому что свекор, матушка, мамочка. Мамонька, говорит, разворчит на нас, он говорит: «Мать, если ты так ворчишь на снох, да я — так они у нас разбегутся. Всё, прекращай ворчать». И, говорит, у нас такой был порядок: одна сноха неделю у печи стоит, готовит, варит, всё вот так, другие на скотном дворе у овечек убираются, где — стираются, с ребятишками, вот так, по кругу. Кто ткет — раньше же пряли и ткали все — так, говорит, одна там... Каждый всё по очереди, [нрзб] стоят, одна ткет, потом другая — по очереди. И, говорит, пока мы ели все за одним столом, все сидят — а одна у печи, она это поставила, это что-то поставила — пока сноха, вот эта, которая у печи, не управилась, всё на стол не поставила и не села, никто не смел взять ложку. Вот только дяденька схватит: «Ну что ты, Васен, надолго ещё? Уже есть хочется, охота» — «Ну, все, сейчас, вот уже, всё, сейчас» — и села. Села — тогда взяли ложки и стали есть. Все. Никто никогда не обижал, никто ни на кого никогда не ябедничал. Вот, говорит, овечка, когда оягнится, бросаешь овечке сено, не заметишь — маленький ягненок, и он там сдох. Ну, задохнулся под сеном. А Настя, говорит, в другой раз, если идет: «Васена, ты что, ягненка опять задушила? Забросала, я посмотрела. Ну, не переживай, я его уже в навозную кучу выбросила, всё». Понимаете, вот не было ябедничества, а, наоборот, как-то друг друга оберегали, и, ну, в общем...

00:58:52

А к советской власти как относились?

А кто как относился? Я не знаю, как относились.

00:58:58

Ну, что рассказывают? Вот — раз, и Советская власть, какие-то новые правила...

Так их всех разобрали, разогнали все семьи, все [нрзб]

00:59:07

А вот когда еще жили все вместе, она уже была как-то?

А тогда еще советская власть, только она пришла, еще ничего не знали, что это такое. Поставили сразу колхозы, всех сгонять. А вот я сейчас — ну, уже не сейчас, уже раньше — думала: «Вот их бригада, десять человек, семью, у них земли. Ну, вы, пожалуйста, обложите их также налогом: "сдайте столько зерна, столько масла, столько мяса, сдайте, но сидите на месте". Что же было выдворять из дома-то?» Выдворили ведь, на умирание. А там сколько людей померло, сколько по оставалось, это жуть одна.

00:59:50

И вот...

Туда ссылали не только с нашей, Омской области, Тарский район, Сидельниковский, вот это — из Омской области. Туда ссылали и с этого, с Алтая много людей, все в этих книгах, тут все написано. Очень много во время войны немцев стали туда ссылать, эстонцы, латыши — туда уже, даже я помню уже, когда они приехали, им негде... Они по квартирам, ну, кого куда... Ну, тяжело тоже было им, даже они в кузнице жили семьей. Нет, ну абсолютно некуда, кого куда разобрали, там евреев было много, в общем — всех национальностей туда, даже... А вот эта книга, «Прощение и память», вот, подарили. Это как книга того времени, вот это уже новое время, в Томской области, в Каргаске, живет замечательный человек, Зарубина Валентина Михайловна, она — учитель истории, преподаватель, организовала школьников, и такую акцию провела, «Прощение и память». Обратилась в администрацию, там разрешили, и вот они дали им парходик такой, небольшой, и они ездили по всем бережкам и ставили кресты такие, написано: «Невинно загубленным жертвам сталинских репрессий». Невинно загубленным. И вот, как раз... Брат-то мой, вот, Алеша, я уже вам показала, он пошел на пенсию, что-то поработал маленько, а потом совсем уже не работал, написал туда — интересно, есть кто-нибудь в деревне?

01:01:42

А брат, который...

Троюродный.

01:01:45

Троюродный...

Троюродный.

01:01:46

Троюродный, не родной. И вот это от тех Спириных, от... А вот так прожили жизни, рядом, мы вместе с ними выехали — вот они, в Таре осели, а мы вот сюда, в Омск перебрались. В Таре работы нет, жить не на что, и никак. В Таре в школе мы жили, в раздевалке. Ну, вроде, был, как вам сказать... Вербовка в Омск наш — строился шинный завод, и мама меня у них оставила, а сама завербовалась сюда, на стройку. Ей уже было... Ну да, почти 50 лет уже, и это... Был закон такой, значит: если год отработаешь, по вербовке — еще прописки постоянной нет, город был в то время закрытый, не было прописки, — а если еще полгода проработаешь там, то уже могли дать постоянную прописку. Вот так мы зацепились в Омске. Но учиться все равно мне пришлось много, негде было жить... Ну, тогда-то мы в общежитии жили. А что в общежитии? Так кровать стоит, и тумбочка, кровать и тумбочка, 8 человек в комнате — вот такое вот жилье было, поэтому... А когда вербовка уже кончилась, значит — надо уходить из общежития, то есть...

01:03:11

И куда дальше?

Очень трудно было.

01:03:15

Когда вербовка кончилась?

Это уже такая, большая другая история, уже не связанная с репрессией.

01:03:18

Ну, оно так получается, что немножко связано.

Ну да.

01:03:21

А куда дальше?

А вот как. В Омске, здесь жила мамина сестра, старшая. Тетя Пана. И когда их рассылали, ну, были и юбки какие-то, там, платки, одежда какая-то верхняя, полупальто, куртки, как по-теперешнему говорят, какая-то одежда, обувь какая-то — валенки, или сапоги, что-то было такое. И не думали, что... Ну, сошлют — сошлют. Вернемся, чтобы... «Пана, ты сохрани». И вот, где-то Пана отвезла все свое добро. А Пана — тут у нее своя была нужда, и ничего уже нам не сохранила, и ничего не отдала. А когда после вербовки-то мама, мы же уже в Омске жили, а они жили на Подгорной — у них там солончак, ничего под ней не растет. Ну, дядя Яша сказал: «Не вспоминай, что мы твоё прожили, вот место, бери и стройся, вот тут». Ну, мама давай собирать там на стройку, как это... Отходы, бревна, доски — все насобирает, насобирает кучу такую вот, потом там запишут как-то, как отходы какие-то, недорого заплатит, привезет сюда. Привезет — и почти... Сколько она тут за последний год-то навозила, на избушку, и первую избушку он нам построил три на пять. Три, нет — пять и три, вот такая маленькая. Вот так печку поставили, тут у нас кровать стояла, окно, и тут... А ничего больше не было. У них была, жила с тем, что — он нас пускает сюда, на свою землю, с тем, что у них жила мамина мама, Марфа. Когда все там умерли, она осталась с этой, с Марийкой последней, и стала хлопотать, что-то вроде: «Отпустите меня, я работать не могу, эта еще мала, и все, у меня там дочка». И дочка, тетя Пана, тут кто-то как-то писал туда, и ей разрешили выехать, она уехала сюда, к тете Пане, в Омск. А когда приехала сюда, она и Пана не нужна была, она жила в церкви, везде, потом появились... Что-то у нее родился Саша, потом еще ребенок, и она ее взяла из церкви, чтобы она следила за детьми, чтобы она [тётя] могла работать. А тут, когда война-то началась, одного сына убили, другого сына убили, и она работала — значит, тетя Пана стирала даже, тоже, какие-то халаты, на магазин на какой-то, и из-под горы воду носила, значит, на стирку, и, видно, простудилась... В общем, она ослепла, она больше 20-ти лет была слепая. Ну да, когда она с ребятишками сидела, она была нужна, потом, когда она ослепла, она уже там не нужна была, и вот он говорит: «Вот ты построишь, но мать заберешь к себе». Ну вот, и мы... Нас там построили. Мы там, наверное, с год прожили, а он говорит: «Вот у меня Сашка из армии придет» ...

01:06:47

А вам сколько лет тогда было?

А мне уже было... Я заканчивала седьмой класс, вот как раз из этой избушки я начала работать, в 14 лет устроилась в ателье техничкой тоже работать. В 14 лет что я ещё умела? Ничего, одним словом... А чего устроилась-то?.. Ну, вот, и они нам отдали маму [бабушку]. Мама работала техничкой на мебельной фабрике, сначала, потом ее шлифовщицей поставили. Она идет домой, значит, сумку такую сшила, тряпочную, и чурочки, опилки, побольше чурочки какие сложит — так этим мы топились, когда перебрались туда, к ним. А потом он говорит... Где-то вечерами мы сидели с соседями на лавочке, он говорит: «Вот, Сашка придет, вот зачем я ее пустил сюда? Сашка придет, жениться надо, вот ему тоже бы место надо что-то пристроить, а уже вот ее пустил, вот куда теперь? Ну, да я вроде крышу сброшу, и она сама уйдет». Вот не подумал, куда уйти-то? Нам некуда идти. Ну, добрые люди послушали это все, и маме сказали, говорят: Васена, вот так и так, что Яша сказал. Вот иди, говорят, к квартальной, Ольга Андреевна, что она тебе скажет: может он так сделать, или не может? Ну, мама пошла к ней, она говорит: «Слушай, Васена, когда вы строились, я сразу понимала, что что-то неладное он задумал. Неладное он задумал, потому что вы прописаны здесь, он вас прописал, но это место по документам, и дом — это его все, и то, что вы пристроили — это тоже его. Других-то документов у тебя нет, ты же ничем не докажешь». Мама говорит: «Да неужели Яша такое позволит?» Она говорит: «Васена, смотри сама, но знай, что тебя ожидает. Всё может быть». А другая соседка, с другой стороны, говорит: «Васена, да на мебельной фабрике сейчас как раз давали, вот здесь, на море, места». Потому что после войны город разрастаться стал, жить негде, и стали тут совхозы быть, на этих местах, где сейчас, раньше тут совхоз был. Говорит: «Сейчас на море новый поселок будет строиться, и на нашу фабрику тоже дали несколько мест, ты иди, попроси, чтобы тебе дали место земли, и перевезешь свою избушку». Она у нас рубленая была, из бревен, не насыпная, что ее можно разобрать и собрать снова. Ой, Боже мой. Легко сказать, да? Мама пошла туда, спросила. А уже стали отношения другие, и ходим

мы лишние по их ограде, и то есть, то, то... Она говорила, что «там, за домом, сдадим вам, калитку сделаешь, будешь там ходить, нечего тут по нашей ограде ходить». А тут они нам ничего не дали, чтобы другую сделать, и здесь мы не ходить, хоть по воздуху летай. Ну, одним словом, им там посмотрели, и говорят: «Коль у вас домик такой маленький, плохонький, и мы в улицу вам не дадим место, а в углу. Там у вас на улицу, в переулок, будет только калиточка выходить». Мама говорит: «Да мне все равно, лишь бы только, если я переберусь туда, так чтобы уж меня наконец никто никуда не выгнал. Может, когда-то я буду иметь свое место, где я могу умереть? На своем, а не на чужом». Дали нам это место — один сосед пришел, нам отключил свет, другой сосед пришел — нам эти бревнышки расписал, еще сосед, с другой стороны, пришел, помогли разобрать нам этот домик... И был день города, где-то не то 26-го, не то 24-го, что ли, это в июле месяце... Это было в субботу, на выходные дни, мама договорилась с шофером на фабрике, что он нас перевезет сюда, на это место, тут недалеко отсюда тоже, это был у нас частный дом. Я потом вам покажу, какой у нас уже домик потом был. Перебрались сюда, он выгрузил нас, всё сбросили, и он уехал, а мы остались в поле... А там уже, где были, стояли временки — которые дом еще не построили, но жить-то надо как-то, и были временки. Смотрим — пришел опять с одной стороны сосед, с другой стороны пришли: «Бабушка, давайте мы вам скотлим какую-нибудь временочку». Но первую ночь мы ночевали под шифером, а потом уже, вечером, на другой, пришли соседи, нам скотлили временочку из досок, покрыли, и вот мы в этой временочке летом и жили. Этот же Василий, сосед, какие-то большие чурки принес, поставил четыре чурки: давайте положим первое основание дома, вот так — они же расписаны у нас. Помогли, и мы с мамой, вдвоем, таскали эти ведра, эти бревна, и складывали свой домик. Сложили — а они там неровные всякие, бревна. А еще фабрика строила свои дома, как бы — дать квартиры рабочим, и сторож придет и говорит: «Ты что, девка, собралась в этом рассаднике зимовать?» Она говорит: «Подожди, дед, еще придешь ко мне греться». Ну, правда, там грунт хороший, земля — никакого ни болота, ни воды. Верхний слой сняли — и там глина, и вот этой глиной мы замазали, сделали... А эти чурочки вот так стоят, а между ними досками там какими-то сбили, и этой землей закидали — это у нас был фундамент. Вот так мы перезимовали, потом мама, а я уже, в четырнадцать...

01:13:27

А это какой год был?

А это, наверное, был уже... Так... В 1952-м году выехали, в 1956-м году я работать пошла... Это был уже 1957-й год, я уже работала. А 1958-й год, где-то, мне мама говорит: «Надя, смотри, уже как-то маленько оделись, как-то» — у нас же я до 16-ти лет с мамой на одной кровати спала, потому что нам не на что было купить эту вторую кровать. А я только хочу сказать, на все есть сила Вышнего. Бог и добрые люди, вот он нас все время, Господь, сводил с такими добрыми людьми, вокруг нас. Мы выжили с ней только за счет людей, за счет доброты людской. Вот он, нужно было ему эти бревна откуда-то тащить, катать? Но притащил же их, прикатил каким-то образом, и помог нам. И семья эту временку скотлила, и всё — это только доброта людская. А перед тем, как переехать? Мама говорит: «Переехать — надо за машину заплатить, там то, сё — где денег-то взять? Денег нет». Она работала техничкой, 280 рублей зарплата была, я тогда еще не работала, в 7-м классе училась. И говорит, это... Нет, я уже пошла работать, но я еще техничкой работала, бабушка у нас сидела, она никакой пенсии не получала — то есть, ну очень скромно мы жили, а на что еще какие-то перестройки? За это все же заплатить надо. Мама шла с работы и встретила женщину, которая жила еще в деревне до высылки. И ведь она маму узнала, и мама ее узнала, они поговорили: «Ну, как ты, что ты? Знаю, что ты с высылки вернулась, как ты, да что ты, где живешь, да с кем? Какая у тебя семья? Кто жив, кто не жив?» Мама ей все рассказала, она говорит: «Ты знаешь...» Она работала... У нас сейчас самый центр, можно сказать, в городе — это «Голубой огонек», а напротив там большие какие-то дома были, правительственные, с арками такие, так вот она в этих домах, Ленинградская площадь, на Ленинградский мост, там такая-то улица... И она в этом доме жила, работала дворником, у нее там избушка, комнатка была маленькая дворницкая. Она говорит: «У меня много денег нет, но я вот на смерть-то себе собрала 500 рублей. Я тебе дам, но ты, только, Васена, отдай мне потом, когда у тебя больше». И все она отдала деньги. Они не виделись лет тридцать, если не сорок, и она дала ей денег. Это как? Вот это и есть самая настоящая доброта людская. Как их Господь свел, столько лет не виделись ни до, ни после. А вот она дала ей деньги, на эти деньги мы переселились туда, на Амур. Пристроились, я уже работать... Мне 16 лет еще не было, мне стали говорить... А мне некуда идти, особенно не... Мыть там, что-то убирать или что-то делать — нечего, и я сижу, шью и шью, там учусь, учусь. Мастерица: «У меня ребенок маленький» — домой пошла, а то на больничный ушла — а она придет, что-нибудь мне покажет, я сижу, делаю-делаю. Она на больничном сидит, и столько же вещей сдаст, сколько все остальные — работают каждый день. Стали — это опять же, зависть людская — что эта Анна не работает почти, сидит дома, а вещей сдает столько, сколько мы? Она больничный получает, еще и зарплату получает. Понимаете? Вот, два мира, совершенно разных. И стали меня настаивать, чтобы меня вывели мастера. «Пусть она уже сама работает». Ну, ладно, а закройщица взмолилась, говорит: «Какой мастер, у неё паспорта нет еще, что-нибудь сожжет или порежет, я с кого спрашивать-то буду?» Ну,

мастера выпустили. Слава Богу, я ничего не сожгла, не порезала. Но как я работала... Слава тебе, Господи, опять же, вот за это сиротство, за эти обиды, за все! Боже дал мне... Я видела то, что не видят другие. А потом мастером работала, самостоятельно, потом я бригадиром работала, потом закройщица ушла в декрет — я, не учась, работала закройщицей больше года. Не учась, и у меня не было никаких ни отказов, ничего, у меня все было нормально и спокойно. Поэтому я только скажу, что все по воле Божьей, по доброте людской. Он сводил меня, нас сводил, с такими людьми, с добрыми. Ну, вот, уже работала я мастером, стала побольше зарабатывать, мама говорит — а она уже стала шлифовщицей, тяжелая работа, она тут уже и говорит: «Надь, давай будем строиться, я уже стара, а ты еще как бы мала, а избушка-то наша, ведь она как на курьих ножках. Столбы сгнили, — она говорит, — ведь может, упадет он, то на один бок, то на другой бок покосится, и что будем делать? Давай, будем строиться?» Давай. В то время еще и кирпич было трудно достать, и цемента нигде ничего, но там на переезде уже в то время была какая-то база строительная, и там можно было купить доски, вот все такое, бревна какие-то можно было купить. И мы давай возить: пол, всё, кирпич, просить — кто? Ну, все по благу, опять же. Опять же, добрые люди свели с кем надо меня, и нам помогли купить кирпич — соседи, два соседа, собрались нам построить дом, помогли, объяснили, как надо выкопать эти траншеи под фундамент, фундамент уже залили как надо, и поставили основы, выложили кирпичом... То есть, мы к этой «три на пять» избушке, вот к этим пяти, еще пять на пять пристроили, уже кирпичную, уже была покрыта. Правда, первый раз-то шифером, такой бумагой черной, но уже — нормальная, и дом был из хороших, и пол был из хороших досок, и все у нас уже тут было. И надо было мне [нрзб] замуж. Мне было уже 19 лет, познакомилась я с этим Юрием, он из деревни, служил во флоте, он старше меня был на 6 лет, не курит, не пьет, всегда аккуратно такой одетый, ну очень аккуратный. Он любил чистоту тоже. А я такая, из такой бедноты была, можно сказать, нищенка, но, если у человека небритая шея и грязные башмаки — ну я не пойду рядом с ним, мне стыдно почему-то. Мне всегда было стыдно, и у меня никогда таких парней не было, даже чтобы... А этот придет, ботиночки блестят, черненькие, шейка побрита, да еще и шляпку оденет, серое такое, сине-серое, пальто осеннее было. И он меня с работы начал встречать, а вторая смена до десяти, до пол-одиннадцатого, и он меня оттуда, из центра, привезет, потом надо было на Северный ехать, туда — он жил у брата... Ну, сложно с транспортом. И он говорит: «Давай уже поженимся?» Я говорю: «Не знаю. Вот как, что мама скажет» — «Ну, спроси у мамы» — «Нет, ты уже сам с мамой разговаривай, что мама скажет?» Если бы мама сказала, что «не ходи замуж тебе рано» — я бы не пошла, не смотря, что он такой хороший. Но мама говорит: «Я не знаю, вроде парень-то хороший, тоже деревенский, вроде, как бы, из большой семьи — значит, он работающий, он же не тунеядец какой-то там, и не пьяница. Ну, вроде бы, рановато тебе, но, — говорит, — Надя, нам же хозяин нужен, ну что же мы вдвоем всё вот так надрываемся? Этот дом мы построили, а эту-то ведь тоже надо убирать, да на ней уже построить такую же. Ну, может, все и хорошо будет. Выходи». И вот я и вышла замуж. А замуж-то я вышла, это раньше был день Конституции — седьмого декабря, по-моему, да. А это время Великого поста, рождественский пост. Свадьбы большой не на что было собирать — на что? Мы только построились, там еще эта старенькая была избушка-то, деревянная. Его пришли братья, мои подружки две пришли с работы. Небольшой, но был вечерок, что-то пили, что-то пели-плясали — а это пост. Вот, когда живем по безверию, то и получаем. На седьмое декабря — это, значит, перед новым годом — поженились, в мае месяце я уже беременная, и случилась авария — а он в то время работал на нефтезаводе слесарем. Случилась авария. Посылать одного как бы нельзя было, это теперь уже, старше стала и понимаю, что там какие-то существовали порядки, а тогда я ничего не знала, тем более — заводской работы, вообще никакой. Со школы в ателье пришла, я только знаю вот эту машинку, больше ничего. Там был такой порядок, значит: прежде, чем остановить, начать работы какие-то исправительные — нужно было установку остановить, открыть все, и чтобы весь газ, всё вышло, чтобы не было взрывов, ничего такого. Ну, или плохо открыли эти все задвижки, или нет, включили, или — непонятно что, и каким образом он пошел один... Второй уже пришел потом. А он пришел, стал работать, открутил какой-то винт там, и там был газ, и этим газом вырвало ему этот винт в лицо, был ожог глаз, он сразу ослеп. Но, говорят, в сознании — вроде как удар сильный, но упал, и пополз — где-то там, на полу, у них какие-то колодцы с водой всегда были в то время. «Я, — говорит, — водой-то как в глаза плеснул, и всё. И сознание потерял». То есть, он от этого от газа-то отошел, а когда тот [напарник] пришел, увидел такую компанию, другой-то, с которым изначально должны были прийти сразу, увидел — ну, скорую, увезли его на скорую, глаза спасать. Лежал он в... Окулисты там, на Лермонтово, в больнице. Пришли на второй день, нам сказали, что вот, идите туда, случилась авария. Его, забинтованного всего, замотали, сказали, что нельзя смотреть. А у него, видимо, мало того, что отравление было, испуг вот этот сильный, да и удар все-таки, наверное, немалый был по голове... И вот что-то он все болел, все лето, когда уже сняли его повязку-то, он все лето ходил в очках темных. Что там у него... У него тут что-то зубы выбило еще, но тут все так аккуратно сделали, все у него было чистенько, аккуратно, ничего не заметно, зубы поставил, за счет завода ему там поставили. А то, что у него стало — ничего не ест, все что-то не то горько, не то кисло, все никак не ест, воду не пьет, что-то... И вот, когда уже стал заговариваться, тогда поняли, что с ним что-то неладно, пошли к неврологу, а он [муж] уже говорит: «Прячьте все, видите, сейчас с обыском придут к нам». А что у нас искать,

всё еще пустое, у нас искать нечего, ну, пусть приходит. А у него всё — прячьтесь, и надо куда-то уходить — вот ему надо куда-то уходить было. И пошли мы с ним к неврологу в больницу, а он уже перестал есть, похудел, и такая какая-то щетина вылезла, он поменял облик лица, у него изменилось всё. У него вот это... Потом-то поставили уже, это шизофрения пошла. Это надо было сразу, наверное, как-то лечить, может быть, лучше было. А сразу никому в голову не пришло, глаза залечили, зубы поставили, вроде все нормально, живи. Ну и врач там мне говорит: «Сегодня четверг, придет психиатр из больницы, пусть она его посмотрит, по-моему, у него что-то очень серьезное». А я не знаю, что с ним делать, он ни ночью не спит, ни днем, и что-то всё боится. И всё боится. Отвели нас в кабинет, положили его на кушетку — он уже ходить не может, его трясло. Пришла врач, сразу её к нам, завели туда, она посмотрела, вызывает меня в коридор, говорит: «Его надо... Он серьезно болен, его надо положить в больницу». Я говорю: «Если надо, давайте положим, я что могу сделать? Я-то с ним ничего, я ему помочь не могу». И как положили его, где-то в конце апреля, что ли, или в мае уже, в начале, да... И он лежал, весь год, опять же, где-то до марта месяца. Если я туда его положила вот такого тощего, как крючок, обратно он там раздобрел, вот такой вот — потому что там их кормили неплохо, лечили. Он лежит, спит и кушает. Снотворное... Его вводили в шоковое состояние, врач мне объяснял, но он, видимо, по своей структуре не дерзкий такой, не живой, он спокойный, его не могли ввести обратно, вернули его в таком состоянии. Какой он был, так он с этим диагнозом и остался на всю жизнь. Пока он не понимал, что это такое, вроде как-то еще можно было смириться. Всё, да: полежит, там придет, полежит-придет, надоест работать, то «зима», то «жарко», то что-нибудь опять, пойдет — полежит, придет. Еще на заводе числился, что он как работал... А инвалидность ему дали первую, даже рабочую группу. И потом он понял, что он безнаказан. Появилась мания денег, вот «что это я вам?» Как вечер, за стол садимся ужинать, он: «Что это я вам всю зарплату отдаю, а я кушаю как надо только один раз в день? Утром — что там, чай попил, пошел — подумаешь? На работе там что перекусил» — то есть не стал отдавать зарплату. «Давай я буду по дому, а ты вот работай». Я говорю: «Знаешь, а не много ли на работу по дому?» Мама с пенсией в 27 рублей, — понимаете, когда она пошла на пенсию...

01:29:30

А это какие уже годы были?

А это вот, 1962-й год

01:29:34

Надежда, а давайте сейчас чуть вернемся, чтобы не забыть кое-какие важные места.

Ага.

01:29:42

Когда умер Сталин, вы помните этот?

Помню.

01:29:46

Как это?..

Это мы жили в Таре. В школе мы жили, в раздевалке, когда мама моя, значит, раздевала детей, одевала, топила бак, чтобы вода была всегда кипяченая — её должность была. И следила за конем — как она, все время с лошадьми, и она знала, как ухаживать, и там было печное отопление — значит, надо было дрова возить, надо было сено косить. В общем, вся эта знакомая, колхозная... Это ей подходило. И мы жили в раздевалке, тут мы, конечно, хорошо жили. Тепло уже, не надо было ни дров, ни угля, ничего, все вот так. И вот — умер Сталин. Все плачут. Все, почти, плакали. Вечером, когда все ушли, надо было мыть коридоры — технички же тоже жили внизу, там полуподвальное помещение, технички там жили — и вот, классы мыли, директорскую мыли, учительскую надо было, все это делали вечерами, когда все уже, вторая смена отучится, все школьники уйдут... В этом зале, в прихожей, на втором этаже поставили бюст — там всегда [нрзб] Был бюст Сталина, поставили пионеров, значит, в почетном карауле. Пионеры плачут, все ходят люди, тоже — все ходили и плакали. А потом, когда уже все ушли, там тетя Клава одна была, упала на него, говорит: «Роденький ты мой! — в общем, она... и захохотала. — Господи, может полегче жить будет». Вот это я помню, ну, что плакали все, потому что думали, что-то будет такое, еще хуже, чем было.

01:31:45

А вы сами как к этому отнеслись?

А не знала — как, хорошо это или плохо? Понимаете, как сейчас... Мне-то как сейчас тяжело, мне не за что любить коммунистов, они разбили все, весь мой род, я одна, как перст, по жизни прошла. Но коммунисты, как бы то ни было... Были школы бесплатные, если бы не было школы бесплатной, даже эти семь классов — я бы их никогда не закончила. Мама была совершенно безграмотная. В деревне родилась, в деревне в первый класс, говорит, пошла — ребятишки маленькие, некому с ребятишками сидеть: «Всё, хватит, нечего бегать с книжками». На второй год пошла — опять до нового года в школу ходила и — опять. Всё, она не училась вообще, ничего. Ну, какие-то каракульки ставила, больше ничего она не знала. Всю жизнь она работала, либо в колхозе, либо тяжелой работой на стройке, да везде, тяжелую грязную работу. Зарплаты маленькие, техничка получала 280 рублей, в Таре работали, так еще и бездетные платили — до 50 лет был налог за бездетность. С этих денег еще надо было в профсоюзный, туда-сюда, там оставалось на двоих копейки. Мы покупали черный хлеб, когда получку давали, покупали килограмм сахара. Мама ложечку на блюдечко так сыпнет, сколько кусочком помажешь, и покупали — раньше чай был такой, брикетами, фруктовый чай был — его, когда нечего, можно было откусить и так поест. Вот этот чай маленько бросишь, чтобы что-то не чисто вода была, вот так ведь питались.

01:33:35

А мама как отнеслась к смерти Сталина?

А я даже не помню, вот как-то, ну... Особых таких не было... Я только хочу сказать, не за что любить тех... И когда пошли 1990-е годы, когда страну стали раскладывать по карманам — «берите свободы, сколько хотите», и пошел такой беспредел — то любить тоже некого было. Некого было не то, что любить, даже уважать некого было. Я неграмотный человек, но, когда пошел вот этот беспредел: «Делайте, берите эту демократию, свободу, кто сколько хочет»... Ну, развязали языки нам, да? Вот, болтайте кто что хочет, говорите, судите. А кто слушал-то, кто кого слушал? Тот, кто был у власти, тот делал свои дела, набивали карманы. Раньше были миллионеры, миллионеры пошли — зарплату миллионами стали давать, миллионы... А сейчас миллиарды, биллиарды, неизвестно куда деваются... Ну хоть бы вот: я радио слушаю, телевизор я не смотрю. Я смотрю телевизор только один раз в неделю, в воскресенье, в 8 часов по нашему времени — начинаются вести недели, что в мире происходит, как-то не хочется уже совсем отстать ото всего. А радио у меня говорит целый день, я его не выключаю, оно так, не сильно громко, но оно говорит. Я, как бы, в курсе всех новостей. Поэтому... Восточный строили, этот, Байконур, или как он... Восточный, сейчас, космический этот... Вот кореец-то приехал — показали немножко, я тоже посмотрела в этих же новостях. И что-то много миллиардов не досчитываются, не знают, где деньги. Как это так? Когда сейчас все считают, каждую копейку, все там считают — и вдруг не миллионов, а несколько миллиардов, что-то около 50 миллиардов, что ли, потеряли, и не знают где эти деньги! И, причем, передали так настойчиво, несколько раз. Не то, что сегодня там, а в течение некоторого времени: сегодня, завтра, послезавтра, на неделе. Как это так можно? Я неграмотный человек, но я бы сказала где эти деньги, а вы — грамотные люди там все, профессора и все юристы, и программисты, и все-все, такие грамотные, менеджеры и все — и не знают куда миллиарды делись! Вы кому голову-то морочите? Даже простой человек понимает, что их украли, разложили по карманам, и не знают с кого взять. И знают, с кого взять, так уж не говорили бы на весь мир-то! Что людей-то дразните? Ну живёте вы там — и живите. Купайтесь, покупайте, а мне вот больше не надо, у меня есть, что кушать. Слава Богу, пенсию дают хорошую, мне хватает на жизнь, я еще детям помогаю, внучкам и всем-всем.

01:37:03

А вы помните тот момент, когда вы перестали быть врагами народа?

Ну то, что я кулачка, «кулацкая дочь, ты своими замашками тут не лезь» — это я слышала даже уже... Ну, наверное, у меня уже Юра был большой, взрослый уже, даже вот где-то 1960-й год...

01:37:27

А вы не могли, я извиняюсь, чуть-чуть повернуться на меня?

Ага

01:37:32

И чуть-чуть так сидеть. Да-да-да, я вас перебил.

Ну вот. Это ну очень редко было, но напоминали иногда, что... Потому что люди разные, один человек дотошный, работает от и до, как положено, как надо. А другой как — тят-ляп, и отвяжись, отдала, откинула. А я человек не такой, если взялась делать, значит — бери и делай.

Вот как меня мама учила. Она меня никогда не учила ничему, она только говорила, покажет — и мне стыдно становится. «Делай, да рук ведай» — вот все мое воспитание. Она меня никогда не била, не ругала ни за что, но, если она показала, что это плохо — я там что-то не промыла или что-то не так сделала — мне было стыдно. А сейчас, уже много лет я замечаю, что людям ничего не стыдно: соврут, обманут, сделают как попало — и не стыдно. Понимаете? Поэтому... Ну да, я слышала так, но особенно-то... И как-то и не разглашали, что вот так.

01:38:42

А вы помните, когда вас поселили, перевезли на поселение, и вы там жили — в какой момент вам разрешили переехать из той местности, куда вас сослали?

В 1931-м году их туда поселили, я родилась в 1942-м году, а в 1952-м году, когда мне было 10 лет, а брату моему было 12, вот этому, троюродному, мы оттуда выбрались. Их выпустили, потому что у них два сына погибли на войне, в общем, и они уже очень преклонного возраста были. Им разрешили, с тетей Зиной, и с этим уехать, с Лешей. А маму, как бы, по состоянию здоровья отпустили, потому что уже она не могла так работать, как надо было работать. Там надо было именно так сильно и много работать, и тяжело, тяжелую работу делать. Она уже просто не могла в то время.

01:39:48

А вы помните?..

Это был 1952-й год, мы выехали оттуда

01:39:52

А кто вам вот так объявил: «Сейчас вы уезжаете»? Вы хотели уехать оттуда?

Мы хотели, но оттуда нельзя было выехать, я же говорю. Где-то до 1950-го года ходили в комендатуру, отмечали, что мы еще все здесь. А тут как-то нас... Даже справку дали, что нас отпустили из колхоза, потому что колхоз уже не может нас содержать — я еще работать мала, вроде как, и надо двоих содержать, и это обременительно было для колхоза. Молодой человек, ну присядь ты уже на эту кровать!

01:40:27

Не, мне нормально, спасибо.

01:40:29

Или вот, табуретку возьмите.

01:40:29

Нет, хорошо, спасибо.

01:40:31

А... Сейчас, у меня мысль улетела... А с дедушкой, которого отправили, что с ним случилось?

А он как-то... Ну он, может быть, тоже был неграмотный, но как-то умный человек был. Каким-то образом сумел там даже каких-то сухарей собрать, и нашел ведь эту бабушку, маму, семью свою, мою бабу.

01:41:07

А его же куда-то в ссылку совсем далеко отправили?

Ну да, в Туруханский край, его отправили туда. Так ведь он оттуда выбрался и нашел их там, на Васюгане. Но вскоре баба Марина умерла, и он там, что уж. Погибли.

01:41:25

И он умер тоже, да?

Ну да, где-то там.

01:41:29

А как он там?

А Леша у них умер еще раньше, всех самый первый умер, поэтому... А снохи стали жить сами по себе. А так, Соснин этот, отцов брат, Володя, который сбежал-то. Он должен был в ссылку ехать, но сбежал куда-то, он их потом нашел, и как, значит, на зиму он сюда приезжает, а на лето он уезжал куда-то на работы. То есть, у него потом было всего, их было пятеро детей: сосланы были Петя — Валя там родилась — потом была Вера, Лида, Надя и Володя пятый. Вот еще столько детей было. Он на лето уезжает, где-то весной, как пароходы начинают ходить, и почти по зимнику, с последним пароходом прибывает. Зиму здесь отсидит, в Чижапке, и потом опять — на лето. То есть, вся семья у него сохранилась. То есть, они не голодали так. Ну, скромно жили, конечно, но он привезет ребятишкам ситчику там, на платишки, на что, они были как-то более-менее одеты, ну и они выжили. Его, между прочим, дважды брали в армию, на фронт, и ему давали — каким образом? — ему давали непригодность на войну, он не был на войне. Вот это просто на удивление всем, но он на войне не был. Он потом, когда уже последний — это Володя — стал подрастать, он где-то здесь, в Таре переехал, устроился в дорстрой работать, рабочим. Образования-то никак, он только рабочим... Дали им там какую-то комнату, домишечко, тоже, видимо, какая-то теплушка, что ли, там была маленькая. И он там жил с ребятишками. И когда мы приезжали, в Тару-то приехали и мы же к ним — негде было абсолютно нам поселиться. У нас добра был один ящикек, такой вот, как чемодан, только повыше, деревянный, и какой-то мешок еще с чем-то, не понятно, с валенками, что ли. И мы спали у них — нам некуда поселиться, мы спали у них под столом. А потом дорстрой — там такие навесы были, доски, тес, все там лежало — вот на этих досках, на тесках, там сидишь, там уроки учишь, пока тепло. А зимой, потом, уже просто негде, и никак, и не сварить ничего. И нам... На квартиру нас устроили, тетя Пана нашла квартиру, а потом сразу нас нашло место в школе, и мы в школе потом жили. Вот так поскитались. А им потом дорстрой, поскольку он много лет отработал, выстроили хороший дом, и они жили в частном, в своем доме, в большом доме. Распорный, рубленый, большой дом. Вот так у него изо всех сложилась судьба. Мало того, что живой остался, и семью всю сохранил, всё вот так.

01:44:47

А семья ваша, дедушка, бабушка, мама — были религиозными?

Ну, раньше все были религиозными. Ребенок рождался — сразу в церковь, крестить. В церкви же и записали день рождения, имя дали. У нас, между прочим, все имена чисто русские: Кузьма, Артемий, Артемий Григорьевич, Евдокия — это их мать — Степановна, то есть еще был пра-пра-пра-дед Степан какой-то был. Не какой-то, но их дед. У Кузьмы — Анна жена, у Артемия — Марфа, чисто русское имя. А имена были: Иван, Егор, Параскева, ну, Паранья, Параскева, Васёна — Васса, Татьяна, Дмитрий и Мария. И также у Сосниных, у всех, такие же имена. Все русские имена были.

01:45:58

А когда XX съезд произошел, и на нем, как бы, Сталинские все, его... Как это, «культ Сталина»...

Развенчали.

01:46:14

Развенчан...

Осудили, одним словом.

01:46:17

Да.

Ну я так, особенно, этого не помню даже как-то.

01:46:23

А про это что-то кто-то говорил?

Даже вспомнить не могу. Может, и говорили люди, но в более грамотных кругах. А у нас что, мама неграмотная, мы с ней всё вдвоем. Что мы про него будем говорить? Мы на сегодня прожили, и слава Богу. Вот нам то надо, то цемент покупать, то кирпичи, то доски, то [нрзб] Мы все время то строились, потом отстроились — надо было ремонтировать, потом... И все. У нас как-то... Не лезли мы ни в какую, ни в политику, никуда. Потому что пережили это страшное время, остались живы — и слава Богу. А в церковь-то я пришла когда мама умерла у

меня, в 1995-м году. Ей было 87 лет. Она столько пережила, своего горя, и моего — хватило вот так. Мы же, что остались, сейчас живем в таких квартирах? Он же нас выбил из этого дома, муж-то мой. Он просто выбил нас, то — «я вас взорву», то — «вы прощайтесь, я вас сегодня подожгу». «А ты, тварь такая, ты вот живешь, а я вот болею». Уже когда мы развелись с ним, всё, ни алиментов я с него не брала — не с кого брать, ничего не надо, только оставь нас в покое, не трогай. Ой, что он, как-то издевался над нами. Ну он, вроде как больной человек. Милиция говорит: «На каждого больного у нас нет сотрудников, столько поставить не можем. Вы либо с ним не разговаривайте, или как-то разговаривайте». А с ним, если молчишь, то ты «заелась». А если разговариваешь, то «тебя никто слушать не хочет, ты вот такая-такая растакая». И, в общем, во всем корень зла он видел, что я на него живу, с его врачом, и посылаю ему лучи, потом волны, то какие-то стрелы. Вот, я живу, а он болеет. Поэтому всю жизнь он меня ненавидел, и как... Но я ему все говорила: «То, что ты меня обзываешь всякое — я терплю, ладно. Но если ты меня хоть раз рукой тронешь, ты из больницы не выйдешь». Но мне надо было как-то защищаться, я просто страдала, хотя не знала никого там. Придешь, когда лежал в больнице, еще по-первости вместе жили. Врач что мне скажет? «Как его поведение?» — да все. А больше я там никого не знаю, и никогда не знала. Некогда мне было, я занималась своей работой, мне надо было семью, надо было вот этот дом держать в порядке. У нас три человека было — что-то покушать и всем одеться. Одним словом... Я мысль...

01:49:04

А, ну...

Одним словом, когда он мне пробил голову — уже всё. Дальше мне сказали, и в суде сказали, и в милиции: «Чего вы ждете? Пока он ничего вот не сделает, такого серьезного, его никто не положит, никуда не посадит. Не за что его садить, если все живы. А вот когда что случится — вам нужно уезжать, уезжать куда-нибудь. Как-нибудь, да уезжайте. Куда хотите, только уезжайте с этого места. Если он взял себе это на ум, что это надо сделать, он все равно это когда-то сделает». А куда я? Мабушка старенькая, Юре надо учиться, дальше вокзала мне ступить некуда. Но, опять же, Бог и добрые люди подсказали, свели меня. С женщиной, которая работала, главный инженер, райисполком, по жилищному всему. Она меня взяла работать этим, курьером. Значит, дала мне бланки такие: как обследовать жильё. Там были туберкулёзники, участники войны, там... Мало [нрзб] или сильно сырые, холодные квартиры. Мне нужно было ходить, обследовать квартиры. Она мне позвонит, адрес скажет, я после работы пошла, обследовала, на другой день отвезла это обследование. Мне надо было, чтобы она меня поставила или как-то дала мне кооперативную квартиру. Мне надо куда-то уезжать из своего дома, пока он нас действительно не подпалил, не убил. А куда ехать-то? Только в кооператив. А в службе быта никаких услуг не было. Ничего нет, никаких, как хочешь — так и живи. Это служба быта. Это не завод, что там давали — не то, что даже бесплатные квартиры давали, и кооперативные тем более. Ну вот. Надо было мне заработать деньги, чтобы... Если вступить в кооперативный, взнос первый тогда 1700 надо было, если вот на ту квартиру, которую мне дали. А, значит...

01:51:26

А давайте еще чуть-чуть вернемся...

Я заменю.

01:51:31

Да, давай.

Пока...

01:51:32

Сейчас небольшая...

01:51:34

Надежда, скажите, когда объявили, что у вас статус поменялся — вашей мамы, у вас — что можно уехать вот с этих болот, условно, и ехать куда-то дальше, вы знали, куда вы едете?

Да, мы ехали в надежде, что мы приедем сюда, в Омск, к маминой сестре. И мы поначалу-то сразу и приехали сюда. Но город был закрыт, прописки не было. А если прописаться каким-то нелегальным путем, значит — надо было большие деньги, у нас их не было. Мы даже домик там не продали, оставили свой домик, только корову продали, вот на это мы и выехали. Всё, других

денег не было. Поэтому мы ехали в надежде, к сестре. А тут мы приехали, значит, у нее своя семья, всё дорого, жить не на что, прописки нет. Прописки нет — значит, на работу никуда не устроишься. Ну, мы... У мамы был картофельный крахмал в мешочке. Она взяла у них стаканчик, и мы пошли — был Слободской рынок — она этот крахмал продала, мы на эти деньги купили билет на Тару. Сундучок взяли и приехали обратно в Тару, жили у дяди Володи.

01:53:08

А Тара — это?..

Это отсюда 300 километров, северный район.

01:53:12

А это какое-то родовое место?

Это северный район. Отсюда их высылали, село Кукарка, село Красноярка. Они там, Тарский район... Они в Тару на базар даже ездили, когда коробы дед продавал.

01:53:28

А когда война закончилась, вы помните, как это изменило?

Это я помню. Когда война закончилась, все работу бросили в деревне. Даже полевую работу — всё. Все всё побросали и все плакали. Кто-то там... В основном все плакали. И моя мама пришла, на улице идет, смотрю — мама среди белого дня идет по улице, «пойдем домой». Мы пришли с ней домой. И это был единственный раз, когда она меня держала на руках. Она меня взяла на руки, и так мы плакали вместе с ней. Она говорит: «Сейчас ко всем папки домой придут, а наш папка уже никогда к нам не придет». Вот это я запомнила. И в эту же ночь мне приснился сон, что пришел, как бы, мой отец, в чем-то черном, длинном, такой высокий, и котомка на плечах — раньше же не было сумок, котомки носили — и он был с котомкой. И я его видела, как бы, с кровати, и он стоял вот тут... И все, больше ничего ни он не говорил, ни я ничего не спрашивала, только видела его. Это был единственный сон, который я видела. Под впечатлением того, что вот — ко всем придут, а к нам не придет папка. Вот это было. А потом, вечером, да — вот тут уж у них был праздник. Кто чего там сварили, кто чего смог, и в конторе они тоже, и радовались, и плакали все вместе. Кончилась война. Это 1945-й, мне года 3 было, на 4-й год уже шел. Маленькая была совсем.

01:55:12

А была идея вернуться на те места, откуда вас?..

Вот когда мы плыли на пароходе, долго-долго, с Лешей. Вода течет...

01:55:22

А вот в тот период, когда... После того, как вам разрешили покинуть место ссылки...

Вот я вам и рассказываю. И что мы с ним говорили: «Что нам этот город? Мы вот как приедем, обратно сядем на пароход и вернемся в свою Чижапку». И мы всю жизнь жили с мечтой поехать обратно в Чижапку. Ну, у него семья потом пошла, у нас дети тут, и житье — всем жилью надо было. Потом дети уже родились и выросли, уже внуки поросли.

01:55:53

А вот тогда с вами?..

А мы все время с ним собирались, на Новый год, на дни рождения. Мы с ними дружно прожили, всю жизнь рядом, боком где-то. Бок с боком. И мы, когда... Когда бы не собрались, над нами все время шутили: «Ну что, когда в Чижапку-то поедете?» — «Ну, вот, как только, так и поедем, как только — и поедем». И вот, мы поехали все-таки. Мне было 64 года уже, когда мы поехали. Это 54 года мы мечтали, что мы поедем в свою Чижапку. И я неделю там была, я там проревела всю неделю. Во-первых, как я нашла это кладбище? Вот, кладбище. Также заборчик стоит. Ну он, может, и другой уже, но в главном — и калиточка, и кружочек, чтобы скотина не заходила. Вот я... Первый раз зашли вместе с ним. Ищем: где-то здесь должна быть кедр. Где она? Вот кедр.

01:56:51

Надежда, а можете на меня повернуться?

А кедровая вот так вот — раздвоилась. Говорю: «Нет, это не эта кедровая. Та кедровая была цельная». А там с годами... Буря, лес растет, ломает эти ветки, и там как наст. Идешь как по насту, по этому ломняку, по всему, по сухоти. И трещит все под тобой. Но нету. Все смотрели — стоит какое-то дерево, серое. Посмотрели — нет, это не кедровая, ничего не вижу. Ну и я, значит, каждый день... А там поля сейчас. Вот чего жалко-то! Столько труда положили, столько там людей лежит, за эти, чтобы отвоевать от тайги вот эти поля. А теперь тайга снова забирает, и все поля цветут — желтым, сиреневым цветом. Глаз не оторвать! Да все такой высоты, прямо чуть ли в мой рост, вот такие цветы растут. Это молочай. Я срываю, желтых нарву, вот этих сиреневых нарву, и иду сюда, на кладбище — первое, а второе — на место своего дома. И, значит, я положу цветы и думаю: «Ну, помолюсь. Земля одна, я не могу найти, где вы. Ни крестов уже, ничего нет. Но знаю, что вы где-то вот здесь». Вот здесь положила, помолилась, ушла, плакала. Второй — вот так. Мы там неделю были. Вот так походила — и обратно, вот так вернулась. Как бы, завтра нам уже уезжать надо. Поплакала, поговорила с ними и слышу — что-то упало мне вот так. И, думаю, как-то жутко стало. Думаю: если из-за ограды кто бросил, сюда не долетело из-за леса. С той стороны, с буерака — тем более, если ты с буерака, как можно закинуть сюда, и далеко. Вот, что называется — в зобу дыхание сперло. Смотрю: шишечка лежит.

01:59:03

На микрофон.

01:59:05

Шишечка лежит. Кедровая. 24 июня, какая шишечка ещё? Ой, Боже ж ты, мой Боже. Я руку-то вот так, голову-то захватила рукой, чтобы не упасть там. Смотрю — там правда кедровая. Так я вот, под этой кедровой-то, столько слез пролила. Думала, я там останусь, возле этой кедровая. Она — не обхватишь ее, прильнула к ней. Стою, думаю: «Ну, кто мне эту шишку бросил? Братик, сестричка, отец? Может, дед пожалел? «Не ходи, не вой, мы — вот тут». Ну, слава Богу. Шишечку я эту привезла, она у меня до сих пор, вон — стоит. Я ее достала даже, чтобы вам показать. Вот с этим.

02:00:06

Мы ее потом снимем.

Вот она, это как бы память, и всё... Так что всю жизнь мы прожили с мыслью вернуться туда, на родину. На родину, на могилки. Лежит вон. Вот так. Дед лежит, потом Анечка лежит, потом Толенька лежит, и отец. Четыре могилки — и под этой кедровой.

02:00:34

А это место, куда вас сослали, или это родовой?..

Это сослали.

02:00:39

Это ссыльное, да? Я так и понял.

Это ссыльное, да. Это Чижалка, Васюган.

02:00:43

А вот потом, у вас с мамой не было идеи вернуться туда?

Нет.

02:00:50

Вообще, откуда вас с семьей ещё когда...

А, в деревню ту, в Кукарку, Седельниковский район?

02:00:55

Да.

Это Тарский. Вот тут написано — Седельниковский, мы что-то всё время в Таре и были. Нет,

сюда... Нечего делать там. Тоже деревни, как сказать, убогие... А это, надо же где-то жилье...

02:01:12

Ну, конечно.

Какую-то работу, где-то учиться. Если бы нормальная, как сказать, жизнь была, я бы могла бы выучиться. Я всегда хорошо училась. Хотя я за эти семь лет три класса там кончила, тут четыре года. Я, наверное, в четырех или в пяти школах поучилась. Только привыкну: как говорят, как думают — бах — опять куда-то в другое место. И опять, вот так. Я здесь, уже в Омске, когда мы жили — в Таре в двух школах поучилась, и здесь — тоже в двух школах поучилась. Вот так. Потому что условия-то какие были?..

02:01:57

А вас когда-то, когда вы учились, никто кулаком не называл? Было ли какие-то?..

А тогда не знали, кто мы.

02:02:03

А, вы скрывали происхождение?

А у нас никто не спрашивал. Никто и не спрашивал. Подруг у меня таких не было, потому что я всегда была плохонько одета... Все городские по-другому говорят, а я же деревенская была — у нас другая речь была совершенно.

02:02:29

А вот, скажите, на ваш взгляд, кого можно назвать виновным в такой репрессивной истории, с которой вы столкнулись и ваша семья, ваш род?

Ну так, тогда только, во-первых, столкнулись не мы, там очень много людей столкнулись с этим. А кто виноват, и чья это — я не знаю. Как сказать? Наверное, власти такие были. Сказать, что это один Сталин сделал — но он же не один был руководитель. Там же какой-то аппарат у него был, наверное. Это же, наверное, было по согласованию. Потом, в то время так, видно, было: кто богатый, тот, значит — враг. А вот кто бедный, значит он молодец. Он крикун, он болтун, он лентяй... Но раз он много говорит, и хорошо говорит, значит, вот он — хороший человек. А ты молча работаешь, ну и работай. Значит и... Ну, я так. Это мое сугубо мнение. Во власти, я считаю, что и в то время было много крикунов. И когда наша новая власть пришла, демократия, тоже — столько, туда, так сказать, неблагочестивых, грязных людей пришло...

02:03:56

Как всегда, это всегда во власти.

Во власть пришло. Причем они хотели руководить, прямо такие лозунги: «Все для народа, все для народа!» Просто, как будто люди сейчас такие, совсем ничего не понимают. Ну я... Насколько вы грамотный и насколько я, совершенно, можно сказать, безграмотный, но я и то, понимаю, что вот это — болтун, а вот это — человек труда. А тот, который трудится, делает свое дело нормально, он орать не будет на все, на весь мир.

02:04:31

А как вам кажется, стоит ли говорить про репрессивный опыт, к этому возвращаться, к этим темам? Или стоит об этом забыть?

Нет. Забыть нельзя, но и возвращаться ни в коем случае. Никакая репрессия, никакой такой жесткий, «вот это сделаешь — убью, прибую» — ничего не поможет. Это ничего не даст, никаких результатов, из-под палки никто ничего не сделает. Если человеку... Вот, у моей мамы было стремление: только бы не отобрали у неё ребенка. Единственное. Всё. Понимаете? Столько было родни, и остаться там одной, единственной... Это же — страшно. Так вот, она изо всех сил старалась — она не выступала никогда, ни на каких собраниях, ничего — но она была всегда в передовицах.

02:05:29

А вы или ваша мама в партии были?

Нет, нет. Я в комсомоле была, когда в школе училась, вот то, что мне... Думала, может, как-то получится дальше учиться. А если — надо было в комсомол вступать, тогда все вступали. А вот

когда я уже работать начала, уже меня мастера выпустили, хотя мне было 17 лет, 18 там, меня прям очень хотели в партию взять. А я посмотрела, как партийные люди себя ведут — не смотря, что я была умная, мне с этими людьми нечего делать в одной партии.

02:06:07

А чем они вам?.. Как вы их оценили бы?

Ну вот, у нас директор цеха была, как, начальник цеха. А мы оставались, по ночам работали. Вот у меня вторая смена — с полчетвертого до десяти. Все уходят, а мы остаемся еще в ночь, и работаем. Нужно было зарабатывать деньги. А потом, утром, приходит первая смена, 6 часов — мы уходим, а первая смена приходит на работу. Мы поспали, я пришла домой, поспала, и опять иду во вторую смену на работу. И там еще такие женщины были, которым нужно было много работать. Зачем приходила сюда в выходные дни начальник цеха? Что она тут делала? Ну, она раз засветилась, другой раз засветилась. И — бах — у нас пропали брюки. Готовые брюки, висели на кронштейне, в цехе. Пропали брюки. Ну, кто? Значит, те, наверное, кто ночью работал, тот, наверное, и взял. Давай нас в милицию таскать. А до этого взяли воротник — уже тетя Шура пришла воротник — раньше чернобурки были, это такой дефицит — он был пришитый уже, и так обрезали, что... Где воротник, где вот так вот — неровно. То есть, торопились сильно, не то, что там подпорол и сняли воротник, а просто от пальто отрезали. Ну, кто взял? И давай в милицию таскать. Раз — вызвали, а я думаю: если скажу, что я с ночи пошла в баню помыться, и у меня была другая сумка, скажут: «В тот раз большая сумка была, значит, наверное, она и взяла, в большую сумку». Я говорю: «Да нет, с маленькой». «Какая у меня сумка была?» — спрашивают. Я говорю: «Маленькая, с которой я каждый день хожу, там кусочек хлеба несла с собой на обед». И хоть я соврала, и меня это как-то сильно мучило. Думаю: зачем же я соврала? И утром думаю: нет, я утром пойду и все расскажу. Что я вас обманула, у меня была другая, синяя сумка, потому что я отсюда пошла в баню, в душ, и потом домой поехала спать. Выхожу. Только мне — побежала, только мне подняться на крылечко в милицию — идет начальник нашего цеха. Директриса. «Ой, Надя, что ты так быстро. Тебя, между прочим, приглашают уже туда». То есть, на меня все положили, и что я самая молодая, самая бедная, нуждающаяся. Вот она и взяла. Я взлетела как пуля туда. Я говорю: «Здравствуйте. Вот, я уже думала и пришла сказать, что я вас обманула» — «А что ты меня обманула?» — «Я сказала, что вот я с синей, большой [нрзб] что была с маленькой сумкой, а у меня была синяя сумка, потому что мне надо было в баню пойти». В общем, все это я ему рассказала. «А почему ты так быстро-то пришла? Только, вроде, Вера Александровна только сейчас вышла» — «Так я, — говорю, — уже на крылечке её встретила. Я сама к вам шла, что я нехорошо поступила. Сказать, что я нехорошо поступила». Ну, в общем, они выслушали меня. Пошел меня в какой-то еще другой кабинет позвал... Выслушали меня и отпустили. «Ну, иди, работай». Больше меня никто никуда не приглашал. Ну, видите, это дело замяли — её же не наказали. А потом, оказывается, она приходила в воскресенье, что-то там по цеху ходила, что-то смотрела. Что она там смотрела — непонятно, в пустом цехе. И потом, после этого выходного, пропадали эти вещи. Ну, это партийный человек? А она была партийной. И мне, что, с ней разговаривать о чем-то? Да хоть семь пядей у тебя во лбу, я с тобой разговаривать не буду, потому что ты вруша. Мало того, что ещё и воровка. Поэтому, я уже тогда поняла, что вот с такими людьми мне не надо быть в одной партии. И я так и не была.

02:10:13

А что, на ваш взгляд, нужно сделать, чтобы подобные репрессии не повторялись? Или такое издевательство над народом?

Всем нам, людям... Всем нам, людям, в первую очередь быть... Как сказать? Совесть иметь. Свою совесть иметь. Мало того, что трудолюбивые, честные — чтобы каждый человек знал свою совесть. Поступаю я по совести, или я бессовестно поступаю? Вот тогда этого не будет. А пока в мире есть ложь, обман, зависть, так и будет. Кто похитрей, кто половчей, «можно его обмануть, потому что он доверчивый, ну, я его и обману». Мы же сейчас в этом мире живем. То и будет. Совесть нужна. А про слово «совесть» сейчас, по-моему, люди вообще забыли. Вот это плохо.

02:11:17

А как вы, в целом, относитесь к деятельности Коммунистической партии?

Сейчас мы левые.

02:11:32

А как ваша семья относится, ваши дети, к истории вашего рода? Вы рассказывали?

Они знают. У меня семья-то: один сын, сноха, и вот, внучка. Внучка как-то не вникает во все.

Она, вроде. сочувствует мне, и всё. А сын — он говорит, что: «Вот, при советской власти было хорошо». Ему кажется, что было хорошо. «Была работа, я мог зарабатывать» — и все вот так. Я говорю: «Сынок, ты много чего не знаешь, потому что я от тебя скрывала много. Потому что слезы я тебе не показывала». Потому что один раз, как увидел, он говорит: «Мама, подожди, вот как я только вырасту, так я тому дам, другому дам, всем дам». Это он маленький еще был. Вот так, вырастет сынок — будет бандюга. Не-не, всё, никаких слез больше, чтобы он у меня не видел. Поэтому он много чего не знает. Я всегда старалась, чтобы он был хорошо одетый, добротнo одетый. И чтобы у него для учебы, для всего было вполне достаточно. Чтобы он не нуждался всем. Поэтому он и не знает. Он уже вырос довольно-таки сытеньким ребенком.

02:12:57

Можно поправлю быстро?

02:12:59

Можете полностью назвать ваши фамилию, имя, отчество, место рождения?

Это как, по рождению, по своему, да?

02:13:07

Да, где вы родились, фамилия, имя, отчество.

Да. Я рождена...

02:13:10

Можно в девичестве одно, потом это...

Да, в девичестве, да. Значит, я Соснина Надежда Константиновна. 1942 года рождения, 9 января. В семье у меня только была одна мама. Уже в живых никого не было. Так всю жизнь мы с ней прожили вдвоем.

02:13:34

А можете назвать имя, фамилию и отчество вашей мамы, и место рождения и год?

Так, она была Соснина. В то время — Василиса Артемьевна. Так в документах было написано. Но вообще, оказывается, она была Васса Артемьевна. Это поселок Усть-Чижалка, Каргасокского района, Томской области.

02:14:04

А кем она работала?

Разнорабочей в колхозе. Вот, пока в колхозе была. А когда в город выехали, она работала в основном, всегда техничкой и разнорабочей.

02:14:24

А отец? Назовите его имя, фамилию, отчество, место рождения, и кем...

Так, село... Значит, это Спировы, а Соснины... Родились... Село Кукарка. Соснин Константин Павлович. 1918 года рождения. Подождите. А, нет. 1908 года рождения. Мама 1907-го, он 1908-го. Вот как. Восьмого года рождения. Село Кукарка Седельниковского района. Тогда был почему-то Седельниковский район, а сейчас Тарский, вроде.

02:15:22

А когда реабилитировали вас, в каком году, и была ли дата реабилитации? Маму, и кого-то из ваших родственников?

Это даже можно прочесть. По Томской области, 562 ИЦ УВД по Томской области и по Омской области. А, что-то тут... А, 1996 год. Реабилитированы: «УВД по Томской области, Соснины: Павел Степанович, Марина Тимофеевна, Степанида Степановна, Владимир Павлович, Константин Павлович, Василиса Артемьевна, Анна Константиновна, Иван Константинович, Надежда Константиновна». 30.08.1996. О, оказывается, когда... А, ну да. Это уже когда нам дали удостоверение даже, что мы реабилитированы. Вот когда это было. Ну, там, не именно вот в этот день, попозже уже, но точно вот в этот год, когда уже была реабилитация.

- 02:17:02 **А, еще вопрос. Можете назвать свое образование, вашей мамы образование и вашего отца?**
- У мамы и у отца образования не было, никакого. А у меня, ну как... 7 классов, кого я насчиталась. Начальное, или среднее — 7 классов всего. Потом я научилась как у портнихи шить, у мастера, и закончила курсы-закройщиков. Это я не помню, в каком году... Ну вот я...
- 02:17:38 **Ну, это не так важно, какой будет...**
- Не важно, да.
- 02:17:40 **Не так важно, какой будет...**
- Курсы-закройщиков — и все.
- 02:17:42 **А, ну, мне кажется, все.**
- Да?
- 02:17:46 **Спасибо за разговор. Очень подробный, очень интересный, у вас уникальная совершенно история. Я думаю, можно стопиться.**